

ИГНАТИЙ-АВРЕЛИЙ

ФЕССЛЕР

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Игнатий-Аврелий Фесслер оставил по себе память и в Австрии, и в Германии, и в России. Его восьмидесятитрехлетняя жизнь (1756 — 1839 г.) связана с интересами католицизма, лютеранства и православия, и в то же время это один из видных деятелей среди масонства, столь сильного в конце прошлого в начале нынешнего столетия. Знаток восточных и классических языков, церковный писатель с мистическим оттенком, романист и плодовитый историк, монах, профессор, журналист, проповедник и, наконец, суперинтендент с званием епископа. Игнатий-Аврелий Фесслер оставил по себе многочисленные сочинения, большая часть которых дает обильный материал для его собственной биографии. Имя Фесслера неоднократно упоминалось и в нашей литературе, но лишь в связи с историей петербургской духовной академии в с судьбой русского мистицизма в царствование Александра I. Но жизнь и деятельность его имеют несомненный интерес для всякого читателя, желающего подробнее познакомиться с состоянием умственного в духовного развития европейского общества в то время, к которому относятся лучшие годы Фесслера, с влиянием этого развития на жизнь русского общества и с происшедшим между ними столкновением, с которым совпадала такая же борьба и в жизни политической. Имею возможность ознакомиться с находящимися в библиотеке Московского университета важнейшими [586] сочинениями Фесслера, поступившими туда большею частью из собрания А. И. Тургенева, мы составили отчасти на их основании ¹⁾ биографию этого человека, имеющую своей целью сообщить читателям только самые существенные сведения о его многосторонней деятельности, внутренней и внешней борьбе, литературных заслугах и философских заблуждениях и, наконец, о его частной жизни. Мы не имеем в виду специального трактата о сочинениях Фесслера, а только желаем обратить внимание историков духовного просвещения в России на трудовую, полную борьбы, увлечений и неудач, жизнь его.

¹ Столь же важными пособиями для нас были две биографии, напечатанные: 1) Г. Дерингом в „Allgemeine Encyclopädie der Wissenschaften und Künste“, von Ersch und Gruber; I Sect., 43 Th., S. 266-285; 2) К. Вурцбахом в его „Biographisches Lexicon des Kaiserthums Oesterreich“, IV Th., S. 201-208.

I

В Австрии

Фесслер родился 7 (18) мая 1756 года, в венгерском местечке Визельбургского комитата Чорндорф (по нем. Czorndorf, Czurendorf, по мад. Zarandfaloa). Фамилия, которую он носил, первоначально считалась туземною в Эльзасе, но потом выселилась за Рейн и, наконец, в Венгрию. Отец Фесслера, Иоганн-Георг, служил в молодости в австрийской военной службе, принимал участие в войне против Турции в 1737—1739 годах и при обороне Белграда отличился храбростью, потом вышел в отставку и арендовал в Чорндорфе гостиницу. Там он вступил в брак с Анной-Марией Кнейдингер, которую впоследствии сын в своих автобиографических сочинениях называл богобоязненной и мистически-благочестивой. При крещении сына она дала ему имя Игнатия, ибо особенно почитала мнения, образ жизни и деяния основателя ордена иезуитов. Первые впечатления, полученные Фесслером в жизни, возбуждали в нем склонность к набожности. Такое настроение не вполне уживалось с шумной жизнью Чорндорфской гостиницы. Но отец Фесслера не долго держал ее в своей аренде. После сильной грозы, попортившей здание, он перешел в Пресбург (иначе: Пожун, Бретислав) на службу к графу Арко; вместе с родителями переехал туда и Игнатий, которому шел третий год. Они поселились в Пресбурге, в [587] доме шляпного фабриканта Шютца, который держался лютеранского исповедания; но это различие религиозных убеждений не нарушало их дружеских отношений. Позднее Фесслер не раз припоминал, как, будучи ребенком, посещал вместе с матерью лютеранское богослужение. Она же, без всякой чужой помощи, выучила его грамоте, в он должен был нередко читать вслух душеспасительные книги для нее с раннего утра, ибо Анна Фесслер имела обычай и летом, и зимой вставать в 5 часов и заниматься работами, поддерживавшими скромные доходы мужа. Долгое время чтение состояло исключительно из житий отцов церкви, записанных Росвейдой (Augsburg, 1733) в легенд о святых, составленных Рибаденейрой (Augsb., 1732). Впечатление, полученное от этих книг, Фесслер так описал в одном из своих сочинений: «Таким образом, я с раннего возраста познакомился с духовным небом и с святыми старого лучшего мира, и вполне был чужд тех удовольствий и шалостей, которые свойственны детству. Полученные этим путем впечатления, повлиявшие на деятельность фантазии и развитие разума, удержались во мне и впоследствии; их основные черты, — все, что было возвышенного и благочестивого в святых людях, — осталось неизгладимым в моем духе и никогда, даже в пору юношеских страстей, не мог я впасть в полное

помрачение в унижение духа»²). В другой книге, говоря о том же времени из своей жизни и упоминая о себе в третьем лице, Фесслер выражается так: «Под влиянием матери и духовного отца было пробуждено его чувство и направлено к тому, чтобы последней целью своей жизни он сознавал сближение души с Богом. Столь же незыблема в развита была в нем склонность более почитать святых, чем обращаться к ним с молитвенными прошениями. Для него имели большее значение апостолы и мученики первой церкви, а также церковные учителя Августин, Иероним и Бернард, чем позднее канонизованные монахи, которых он ценил менее и считал принадлежащими к низшим рядам святости. И если в греческом юношестве, при постоянном слушании Илиады, возникали мечты и желания сделаться Ахиллесом или Гектором, то почему же в мальчике, воспитанном в христианском, благочестивом в церковном духе, не пробудиться мысли, что и он, молясь при постоянном чтении жиз- [588] неописаний Афанасия, Августина, Викентия, Лаврентия и др., может по их примеру сделаться отцом церкви, мучеником и святым»³). Разгоряченные мечтания молодого Фесслера довели его до того, что во второй день пасхи 1763 г. он, по примеру Игнатия Лойолы, история обращения которого к новой жизни уже была известна ему, гладко обреза брови свои. Вскоре после того, в день сошествия Св. Духа, после первого причащения, он впервые познакомился с библией, которую мать до тех пор не давала ему. Ее объяснения некоторых мест из евангелия от Иоанна и одушевление, с каким она произносила их, остались для него всегда памятными. С тех пор, по его настоятельной просьбе, мать читала каждое воскресенье какой-либо отрывок из библии. При этом, указывая на примеры добрых дел, мать беспрестанно повторяла сыну, что всякое знание бесполезно, если не влечет за собою дел, как необходимых последствий его.

Между тем отец Фесслера оставил службу у графа Арко и променял ее на должность при викарном епископе Ганне в Раабе. Там, с 1764 г. молодой Фесслер приступил к основательному изучению латинского языка, как это было тогда в обычае в целой Венгрии. Он оказал быстрые успехи в нем, чем был очень доволен епископ, принявший в нем участие и наделявший его своими советами. Однако же образование, которое Фесслер получил на десятом году жизни в Раабской гимназии, было скудно и не могло дать ему оснований для самостоятельных занятий. Тогда, по совету брата своего, он отправлен был в 1768 г. в Пресбург к дяде Андрею, для изучения инженерного искусства. Изучение линий, углов, кругов и архитектурных чертежей очень ему понравилось. Но еще большее удовольствие доставила ему библиотека дядя, где он прочел между прочим: Имгофа «Историческую Галерею», Кальмета «Церковную и светскую историю»; но особенно поглотила его внимание книга Кругота: «Христос в

² См. *Fessler's Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerschaft*, (I Aufl., Breslau, 1824), S. 9 flg.

³ См. *Fessler's Geschichte der Entlassung des gewesenen Pastors in Saratow*, Karl Limmer (Dorpat und Riga, 1823), S. 108.

уединении». Очень может быть, что пребывание у дяди не осталось бы без влияния на будущее призвание его, если бы дядя не был назначен королевским повелением в Хорватию в качестве геометра. Он отослал племянника назад в Рааб, где, в лице кандидата богословия Игнатия Нагого (Nagy), юный Фесслер получил домашнего учителя, под руководством которого он [589] и приготовился к высшему грамматическому классу в местной иезуитской коллегии. Ректор этого заведения о. Слуга (Szluga) выразил ему свое удовольствие по поводу обнаруженных им на приемном испытании сведений. Обычным прилежанием Фесслер вызвал расположение к себе и в остальных учителях. Первое применение умения думать о предметах по-латыни и выражать свои мысли о них письменно на латинском языке он сделал, составив молитвенную книжку, будучи еще только 12 лет. В этом труде выразился весь характер Фесслера, как будущего мыслителя и деятеля. Вся книжка состояла, по собственному признанию Фесслера ⁴), из мистических выражений любви к Богу в Иисусу, из беседований и лирических излияний сокрушенного сердца с самим собой. Особенно замечательны были три молитвы, проникнутые горячим желанием, дабы Бог дозволил ему сделаться доктором богословия, опорой церкви и мучеником за веру. Когда он показал этот молитвенник своему духовнику, патеру Цольнеру, тот рассмотрел и возвратил его, подарив Фесслеру извлеченные из сочинений блаженного Августина «Meditationes et Soliloquia». В позднейшие годы своей жизни Фесслер обыкновенно выражал самое живое чувство радости, когда находил в каком-либо из сочинений своих настроение духа, подобное высказавшемуся в этом молитвеннике. Особенную склонность он обнаруживал к катехизическим упражнениям, и в то же время очень охотно занимался историей и географией. Из Гюбнерова «Staats- und Zeitungs-Lexicon» и некоторых других сочинений составил он с немалым трудом весьма подробную географию Азии и Африки на латинском языке. Патер Цольнер и на этот раз вознаграждал его прилежание, подарив две книги, содержание которых должно было еще более возбудить духовные силы Фесслера. Это были: Thomas a Kempis: «De imitatione Christi», и R. Bellarmini: «Ascensio mentis in Deum». Он прочел эти творения с некоторыми из товарищей, направление которых подходило к его собственному. Из них мало-по-малу составил школьный кружок, который даже в играх своих отличался благоговейным направлением: чаще всего они играли в «пустынников», причем один из них по очереди нес обязанности настоятеля и проповедника в течение недели. Эта школьная забава у Фесслера принимала иногда характер мрачного фанатизма, который отражался и на жизненных отношениях [590]. Так, он долгое время не мог помириться с тем, что его мать находилась в частых сношениях с лютеранами, которых он в ту пору, убежденный, что римско-католическая вера есть единственно спасительная, считал

⁴ См. Rückblicke auf u. s. w., S. 22.

еретиками. Упреки матери сделали его мало-помалу снисходительнее; а новая перемена места жительства дала его духу новое направление.

В сентябре 1770 г. четырнадцатилетний Фесслер послан был в Пресбургскую латинскую школу. Будучи принять в класс поэзии, он ревностно изучал римских поэтов, а также некоторых из новых, особенно Яна-Панновского и Сарбиевского. Трагедии Сенеки побудили его самого написать драму «Саул», при представлении которой с участием его товарищей он взял на себя роль царя. Но из всего, что он прочел и изучил в это время, ничто не отвечало до такой степени его обычному настроению, как элегия на темы из «Песни Песней», изданные Германом Гутом под заглавием: «*Pia desideria*» (Lipsiae, 1721; cum praefatione J. H. Ernesti). Только один год пробыл Фесслер в Пресбурге. Несмотря на столь короткое время, он значительно расширил круг своих сведений, с которыми и возвратился в сентябре 1771 г. в Рааб. Будучи переведен в ноябре в риторический класс, он поступил под руководство ученого филолога, иезуита Антония Манчини. Здесь он твердо держался завета матери освящать знание делом. Продолжая чтение римских поэтов, в особенности Горация и Теренция, он с большим любопытством изучал и римских историков: Ливия, Саллюстия и Тацита. В то же время он не покидал и сочинений религиозного содержания: прочел все творения Августина, письма Иеронима, труды Иоанна фон Крейца и Франца фон Салиса. Среди таких занятий ему исполнилось шестнадцать лет, когда Антоний Манчини поручил ему приготовить похвальное слово св. Игнатию. Этот труд Фесслера отличался не только риторическими украшениями, но и любопытными размышлениями, почерпнутыми из приобретенных им в школе и посредством чтения знаний. Читанием этого первого опыта в красноречии на публичном акте в августе 1772 г. Фесслер вызвал общее одобрение в своих многочисленных слушателях. Тем чувствительнее для него было препятствие, встреченное со стороны матери, ко вступлению в иезуитский орден, что ему было предложено через несколько недель после публичного торжества: мать упростила его отказаться от такого намерения в виду крайней его молодости. Тогда он стал готовиться к поступлению в орден [591] кармелитов или камальдуленских пустынников, и с этой целью усердно посещал с ноября 1772 до конца мая 1773 г. лекции по предмету логики и метафизики. Он скоро преодолел все трудности и испытания, чтобы приучить себя к суровому образу жизни кармелитов. Но, вместо жизни, исполненной тишины, уединения и размышлений, судьба дала иное направление его деятельности.

Его дядя по матери, Георг Кнейдингер, преподававший философию в капуцинском монастыре города Будима (Buda, Ofen), которого посетил молодой Фесслер, склонил его поступить в число братьев их ордена. Случилось так, что в это самое время провинциал ордена находился в Будиме. После обычного испытания, вполне удовлетворившего провинциала, Фесслер был назначен в Моорский монастырь, находящийся в

комитате Стольного Белеграда (как называют славяне, по мад. Szekesfeyervor, по нем. Stuhlweissenburg), куда он и поступил 9-го июля 1773 г. под именем Иннокентия. Своими способностями, обнаружившимися с первых же дней пребывания в монастыре и особенно выказавшимися на лекциях в рефектории, Фесслер привел в изумление начальника испытуемых послушников о. Онесима. Но, несмотря на уважение, которое он приобрел, благодаря своим основательным и многосторонним знаниям, у властей и остальных обитателей монастыря, ничто не могло освободить его от тяжелых и грубых работ, исполнять которые было обязанностью всякого вновь вступившего в монастырь. Натирание ступеней алтаря, метение монастырских лестниц, работы в саду, и, в то же время, спанье в грубой одежде, надетой прямо на голое тело, принадлежали к ежедневному порядку в его жизни. Сначала, впрочем, он хотел оставить монастырь и требовал хотя временного отпуска. Но о. Онесим принес ему в келью творения Сенеки и вручил их с отеческим наставлением: поучаться от язычников христианскому смирению, умерщвлению чувственности и самоотвержению. Сочинения: De providentia, De vita beata и De brevitae vitae, вскоре он знал наизусть. Он многому научился от Сенеки, хотя и не тому, на что обращал его внимание о. Онесим. «Это было, — говорит сам Фесслер ⁵), — первое пробуждение моего внутреннего мира, который однако ж, при помощи усиленной деятельности духа, скоро пришел опять в состояние покоя и порядка. Мне удалось открыть даже в [592] сочинениях Сенеки известный мистицизм, после чего я стал верить, что он не лишен был божественного просвещения. Во всяком случае, он представлялся мне вечно блаженным, хотя, по неизвестности и сокровенности христианства в его время, он и не в состоянии был сделаться христианином. С тех пор его мистицизм послужил к укреплению и возвышению моего собственного; его мораль я применял к отношениям внешней жизни, в которых моя мистика часто оказывалась неверной и беспомощной. Таким образом, будучи исполнен заученного мистицизма без внутренней религиозности и устремив взор на предстоявшую мне цель, шел я вперед по моему пути с детской покорностью воле Божией и подчиняясь всем распоряжениям орденских властей относительно меня».

9-го июля 1774 г. Фесслер произнес перед алтарем торжественный обед монашеской жизни, чем закреплена была неразрывная связь между ним и орденом. В том же месяце он переведен был в монастырь Бешниё (Besnijiö), находящийся в двух милях от Пешта. Тамошний настоятель о. Целестин вскоре полюбил его и стал относиться к нему с отеческим расположением: такие отношения сохранились между ним и впоследствии, когда Фесслер уже оставил монастырскую жизнь. Кроме того, Фесслер умел понравиться

⁵ Rückblicke u. s. w., S. 36 flg.

монастырскому библиотекарю о. Леониду готовностью, с какой он помогал ему в расчистке его сада и уходе за цветами. Он не отказывался от исполнения самых тяжелых работ в ожидании единственной за то награды — получения книги из библиотеки, и часто проводил ночи без сна за чтением. Его тогдашний выбор падал предпочтительно на священное писание, на творения отцов церкви, на мистиков, на сочинения Дионисия Ареопагита, Герсона, Рюнсброка и других. Мысль сделаться мучеником за веру снова проснулась в нем. Он сознавал, что подобное призвание сопряжено с несказанным множеством трудностей; но крепкое здоровье и сильный дух поддерживали его в таком направлении. Чтобы утвердиться в нем, он нередко бодрствовал целые ночи, бегал в монастырском лесу во время гроз под дождем до разгорячения; то, напротив, ходил босоногим по снегу или бичевал себя терновником до крови, налагал на себя посты по обещаниям и изнурял свои силы голодом и жаждой. Однако же такими внешними приемами нельзя было укротить возбужденные в годы учения духовные потребности, нуждавшиеся в более свойственном [593] им внутреннем удовлетворении. Судьба и на этот раз пришла на помощь Фесслеру. Его душевное настроение обратилось в иную сторону после знакомства с бароном Подманицким, который жил в своем имении в полумиле от Бешниё. Из библиотеки этого многосторонне-образованного человека Фесслер получил сочинение Флери о церковной истории и трактат Муратори об истинной набожности. Впечатление, произведенное на него этими книгами, Фесслер выразил в следующих словах ⁶): «Мой покой исчез, мой внутренний мир был разрушен, мой дух спустился с мистического неба на землю. Флери убедил меня в перерождении христианской церкви, в испорченности и ничтожестве нынешнего монашества, Муратори — в бессодержательности и неприемлемости монашеских обетов. С страшным напряжением работал я над собой, стремясь то восстановить мое прежнее состояние духа, то достигнуть нового света и примирения. С этой целью я прочел с самым напряженным вниманием сень раз подряд Новый Завет, затем некоторых латинских отцов церкви, в том числе Лактанция, Киприана, Сальвиана и Льва, и, наконец, первые четыре книги большого собрания деяний вселенских соборов. При этом я не отказывался от бдения и постов. Моя молитва к Божественному Духу состояла более из воздыханий и слез, чем из слов. Но все было напрасно. Мои приобретенные учением верования не возвращались; а без них и протекшая, и мимоидущая, и будущая жизнь покрыты были мраком». При таком мрачном настроении духа, благодаря привычке отыскивать всюду книги, попались в руки Фесслера стихотворения Гофмансвальдау. Мало знакомый с современной ему изящной литературой, Фесслер искал в этих стихотворениях чего-то нового и нашел чувственные, не редко безнравственные описания. Такое чтение разбудило в молодом Фесслере

⁶ Rückblicke u. s. w., S. 43 flg.

спавшую до тех пор и столь естественную в его годы склонность к женщинам: он забыл, как сам рассказывает, в ближайший праздник Вознесения Господня небо со всеми его святыми для красивых дочерей земли, явившихся в монастырь вместе с другими богомольцами. Любопытно, что победить мятежное физическое чувство и сохранить монашеские обеты ненарушенными помогло ему вторичное чтение произведений Сенеки. Конечно, их содержание не могло дать ему какой-либо системы религиозного учения, но мораль Сенеки защитила его от порчи [594] сердца распутством, в которое грозила увлечь его фантазия, исполненная чувственных образов. Но, хотя и успокоившийся, Фесслер все-таки думал о средствах с честью освободиться от уз монастырской жизни. Ему казалось наиболее целесообразным приискать место священника или капеллана и духовника при дворе какого-нибудь епископа или графа. Только безупречными нравами и усовершенствованием в научных знаниях думал он достигнуть этой цели.

В начале сентября 1775 г., Фесслера перевели в Велико-Варадинский (нем. Grosswardein, мад. Nagyvarad) монастырь, чтобы изучать там схоластическую философию. Напряженным трудом он вскоре достиг того, что его стали считать самым искусным диалектиком на диспутах. Каноники Бимби и Ганочи и даже сам епископ Патачич не только хвалили его усердие к ученым занятиям, но и поощряли, даря щедро книги. Обогатив свою библиотеку 50 книгами, оставил он в 1776 г. Великий Варадин. Оттуда он переведен был в лежащий неподалеку от Вены монастырь Швехат, чтобы изучать там нравственное богословие и казуистику. Но в Швехате его ожидали неблагоприятные условия. Тотчас же по прибытии туда у него отняты были все привезенные им книги, хотя в них не заключалось ничего противного монастырским занятиям; даже пользование монастырской библиотекой было ему запрещено. Он не должен был читать ничего иного, кроме предложенного ему крайне недостаточного – *Compendium Theologiae moralis universae*» в жалких тетрадок учителя о. Амадея. Однако же, он усилил свое прилежание, в особенности когда один из друзей его прислал ему экземпляр составленного Павлом Риггером (P. Riegger): «*Synopsis juris ecclesiastici publici et privati*». При посредстве того же друга обратился Фесслер письменно в январе 1777 года к придворному советнику и профессору церковного права Иосифу Валентину фон Эйбелю, причем откровенно изложил ему свой образ мыслей и свои обстоятельства. Эйбель (род. 3-го марта 1741, ум. 30-го июня 1806 г.) и сам был из людей очень замечательным: вначале также учившийся у иезуитов философии, греческому и еврейскому языкам, он перешел потом в юридическим занятиям и, при содействии вышеупомянутого Риггера, занял в 1773 г. кафедру церковного права в венском университете. Он был лично известен императору Иосифу II, который в 1779 г. поручил ему составить доклад о веротерпимости. После того он написал несколько сочинений, в [595] которых критически разбирал тогдашние церковные порядки. Язык этих

сочинений не понравился тогдашнему венскому архиепископу, кардиналу Мигацци, и даже навлек на Эйбеля отлучение от церкви. Но под покровительством императора он продолжал указывать в многочисленных сочинениях, с любопытством читанных его современниками, на недостатки в тогдашних церковных порядках. Мы увидим впоследствии, что Фесслер сошелся с Эйбелем в этом направлении. В то же время, о котором у нас идет речь, Эйбель издал лишь несколько книг по части церковно-канонического права: эти сочинения он и послал Фесслеру в подарок ⁷). Старательно спрятал последний эти драгоценности в самых потаенных углах монастыря и только по ночам доставал их оттуда для чтения. От многих занятий, сильного напряжения духа и присоединившейся к тому простуды, Фесслер заболел в конце октября 1778 года. Знаменитому врачу Максимилиану Штолю, который был вызван из Вены, он рассказал не только о своей физической болезни, но и о своих духовных недугах, прося у него совета и помощи. Для дальнейшего лечения Фесслер был перевезен в ноябре в Вену. Его телесная болезнь скоро прошла; а духовному выздоровлению особенно помог Эйбель, который ободрил его к дальнейшим занятиям, с целью приготовления к преподавательскому званию и обещал снабжать всеми необходимыми для того книгами. Через Эйбеля же Фесслер познакомился с ученым бенедиктинцем Стефаном Раутенштраухом, который занимал место референта в венской придворной училищной комиссии и был вместе с тем директором всех богословских факультетов в австрийских владениях: и этом ученый постоянно поддерживал своими советами и сочинениями Фесслера, которому они служили утехой в его печальных обстоятельствах. Основные положения в сочинениях Раутенштрауха представляли совершенный контраст с устаревшими учениями монастырских школ. Все, что только имело какой-либо признак лицемерной набожности, было раскрыто и отвергнуто в этих сочинениях и не забыто ничего, [596] что только относилось к обязанностям истинной религиозности. По собственному признанию Фесслера только через сочинения Эйбеля и Раутенштрауха он приобрел умение узнавать и постигать истинную ученость. Тем сильнее было его огорчение по возвращении в монастырь, когда все эти литературные сокровища, припрятанные не с достаточной осторожностью, не укрылись от подозрительных глаз о. Амадея и стали добычей этого сухого схоластика. Печаль от такой потери была причиной новой болезни Фесслера. Под предлогом ночных прогулок вне монастыря, Фесслер был подвергнут по повелению провинциала от 17-го декабря 1778 г. публичному наказанию за трапезой, сидению на хлебе и воде. Чтобы избавиться от наставлений Амадея, которого он презирал как учителя и

⁷ Adumbratio studii jurisprudentiae, II. Partes (Vindob. 1778 sq.); Lucubratio canonica exhibens notiones de natura, ortu et progressu electionum personarum ecclesiasticarum (ib., 1664); Ordo principorum jurisprudentiae eccles. II. Partes (ib. 1775 sq.); Collectio select. incubationum jurisprudentiam eccles, illustrantium (ib. 1774 sq.); Corpus juris pastoralis novissimi. III Partes (ib. 1776); Introductio in jus eccles. Catholicorum, IV Partes (печатание началось только что в 1777 году. Вообще об Эйбеле см. Wursbach's Biogr. Lexicon, Th. W, S. 118—119.

ненавидел как своего гонителя, составил он письмо на имя провинциала, в котором он в самых покорных выражениях просил о перемещении в другой монастырь. Первым следствием его просьбы было письмо, полное отеческих увещаний, передать с покорностью все свое бытие святому ордену ⁸). Но вслед затем, 23-го декабря, постигло его новое наказание: приказано есть хлеб и воду стоя. Однако же с 29-го декабря он переведен был в монастырь города Нейштадта близ Вены. К счастью, он успел заблаговременно передать в руки своего приятеля те литературные сокровища, которые успел сберечь от расхищения монастырскими наставниками. Оказалось, что перемена монастыря повела к еще большему ухудшению жизни Фесслера, Надменность, жестокость и упрямство, какими отличался лектор Нейштадтского монастыря о. Цельт, не имели ничего подобного себе. Терпеливо переносил Фесслер вместе с своими товарищами долгое время неистовые порывы гнева, которых не умел сдерживать их наставник. Но однажды его неистовства перешли всякие пределы, и отданные под его надзор молодые монахи послали в Опинский капитул просьбу об удалении их мучителя. Желание их было исполнено; но все-таки они были подвергнуты трехдневному посту на хлебе и воде и в августе 1779 г. переведены в монастырь Мёдлинг, находящийся в 2 ½ милях от Вены. Такое, отличавшееся крайней грубостью, обращение монастырских властей с молодыми монахами было в то время самым обыкновенным явлением; но его безобразие будет еще очевиднее, когда мы узнаем, что Фесслер, подвергшийся всем этим бесцельным [597] строгостям, еще в 1777 г. посвящен был в Вене кардиналом Мигацци в иподиаконы, а в 1778 г. папским нунцием, епископом Гарампи, в диаконы, и наконец 29 мая 1779 г. он получил сан священника. Ему было тогда 23 года. Свое положение в Мёдлинге он описал в откровенных письмах к дяде своему Андрею Кнейдингеру, проживавшему в Пресбурге, и к Стефану Раутенштрауху. Первому он писал от 20 мая 1780 г.: «Философские мысли о пользе недоверчивости, которые вы предлагаете мне в своем последнем письме на размышление, кажутся мне не вполне согласными с достоинством человека. По крайней мере мое сердце настолько нежно, запас моей опытности так еще скуден и поводы для того, чтобы предпосылать всему наблюдение, были еще так редки в моей жизни, что я еще не мог принять за общее практическое правило в обхождении с людьми вашего предложения: считать всякого человека злым до тех пор, пока он не даст очевидных доказательств противного. Извините меня, если я в своих мыслях и действиях иду не далее, чем позволяют мне то природа и прямая истина. Я еще никогда не находил людей злыми, разве лишь в тех случаях, когда того требовали их выгоды, и не считал их опасными для сограждан, если только их взаимные интересы не сталкивались. Если я от моих

⁸ См. Rückblicke u. s. w., S. 430 flg.

собратьев по ордену и испытал нечто недоброе, то причиной того не была их злоба, но то обстоятельство, что я сильно боролся в видах улучшения моей судьбы против порядков ордена, который дает им существование, или же потому, что их особенные интересы приходили в столкновение с моими, а я с своей стороны был не настолько прозорлив, чтобы предвидеть подобные коллизии и находить целесообразные средства к устранению их. Никогда еще я не имел случая усомниться в справедливости правила: употребляй твою способность наблюдения на исследование, поверку и определение разнообразных человеческих интересов, на взвешивание сил и средств, коими они могут пользоваться в случае столкновения с твоими собственными интересами, и только такую мерку прилагай к твоему обращению с ними».

Таких образом, Фесслер с редким самоотвержением возлагал на себя вину в бывших с ним неприятностях. Из письма же к Раутенштрауху всего лучше видно внутреннее состояние души Фесслера и ее разлад с действительностью: «Воспитанному женщиной и священниками и достигшему 17 лет трудно сделать правильный выбор. Я пошел в монастырь, ибо верил, [598] что так необходимо для моего благополучия; я произнес орденскую клятву, ибо полагал, что так и надо, и живу теперь в тягчайших узах, вопреки моему твердому убеждению, что все это могло и должно быть иначе. Впрочем, не научись я никакой благородной потребности, кроме того, чтобы хорошо поесть и попить, помечтать о небесных радостях, подавать утешение старым женщинам, а их дочерей направлять любовно на путь спасения, тогда и я был бы счастливейшим человеком, несмотря на всю внешнюю строгость, которою обманывает мое одеяние остальной мир». До какой степени Фесслер соединял тогда в своем положении деиста с католическим священником, это показывает его собственное признание в разговоре с его другом, государственным секретарем фон Молилари, который думал, что он ни более, ни менее как капуцин всею душою. «Чем более я думаю, — отвечал Фесслер, — тем более признаю себя за самого обыкновенного человека, и всею душою я ни более, ни менее как ученик природы и истины. Но я в то же время христианин и священник, первый в строгом, второй в обыкновенном смысле принимаемый, — и мне кажется, что одно исключается другим. Я христианин и знаю дух священства, не быв священником в суетном смысле. Кто читал евангелие, тот знает и без моих дальнейших объяснений, что по евангелию называется христианином, что священником. Христианин следует учению Иисуса Христа, которого первосвященники повелели распять».

К таким неутешительным взглядам пришел Фесслер, воспитанный с ранних лет в мистической набожности своею матерью и потом отданный под суровую фериулу монастырского католического духовенства, которое и в общем своем составе, по обету безбрачия, отличалось исключительным характером. А в эпоху, когда воспитывался и вырастал Фесслер, жизнь

католических монастырей со всеми ее внешними и внутренними недостатками уже напрашивалась на строгие реформы императора Иосифа II. Но с другой стороны в сам Фесслер, как это мы видели из его признаний, был явлением исключительным. Он принимал все церковные постановления за положительные догмы и не рассматривал их как символическое выражение религиозных созерцаний. В церковных церемониях он усматривал не простые формы религиозных чувств, но самую жизнь религии. А потому он был чрезвычайно точен во всех отправлениях возложенного на него сана. С благоговением читал он мессу, [599] в которой усматривал торжественную молитву вечной, вседержащей, мировой силе. Исповедальня была для него обильным источником для изучения человеческого сердца. «Ни одного закоснелого грешника, — говорит он сам ⁹⁾, ни одной знатной, глубоко погрязшей в распутстве и бесстыдстве грешницы не отпустил я из моей исповедальни прежде, чем она открыла мне обстоятельно и подробно, отчасти добровольных признанием, отчасти отвечая на мои вопросы, каким постепенным путем она достигла такой степени нравственной испорченности». Заметное чувство удовольствия господствует в письме Фесслера к прелату Раутенштрауху, посланное к нему в Вену 31 мая 1781 года. «Я наслаждаюсь, — писал он, — около двух лет невозмутимым спокойствием. Уже за мной более не следят. Никто не сомневается в моей монашеской ортодоксии, и возможно ли это, когда я все время мечтаю о церкви, папе, Беллармине и св. Бонавентуре, а когда все спят, живу исключительно в духовном обществе Петра Де-Марка, Боссюэта, Сан-Эспена и родственников им умов. Еще немного времени — и меня будут считать не только опорой ордена, но и орудием папства». В то же время, в письме к своему дяде, Андрею Кнейдингеру, Фесслер высказывал, как он счастлив, видя, что его собрание ученых пособий все более в более возрастает. «Я роюсь в купаюсь в нем, — писал он, — и с радостью замечаю, что круг моих исторических, канонических и богословских воззрений ежедневно расширяется, и при этом с благодарностью вспоминаю о матери, которая научила меня нужнейшему — бережливости во времени» ¹⁰⁾.

Вскоре умерла императрица Мария-Терезия, набожно чтившая все предписания католической церкви и не допускавшая в последние годы своей жизни никаких сомнений на счет захваченных монастырями и капитулами прав и установившейся в них дисциплине. На престол взошел Иосиф II, иначе думавший об этих предметах. Вслед за тем, в сентябре 1781 года, переведен был и Фесслер в один из венских монастырей. Дух приближавшейся церковной реформы проник и в его келью. Мысль о выходе из состояния, к которому он не чувствовал себя расположенным, получила характер непоколебимого решения. В письме к Андрею Кнейдингеру [600] от 16 февраля 1782 года он, между прочим, говорил: «вы

⁹⁾ Rückblicke u. s. w., S. 73 flg. Срв. Ersch und Gruber, Encyclopädie, I Section, 43, Th. S. 270—271.

¹⁰⁾ Rückblicke u. s. w., S. 77—78.

знаете, что моим выбором монашеской жизни я обязан моей матери. Я был благодарен ей за многое и не должен был устраивать лучшую судьбу для себя ценою ее спокойствия. Но в то же время я настолько сознаю себя человеком, что не могу пожертвовать целью и удовольствием всей моей жизни ее набожным намерениям. А так как мои шаги в этом направлении должны совершиться публично, то они станут известны моей матери. Но это должны прежде всего сделать вы, любезный дядя, дабы лживость и изобретательность моих врагов не исторгли преждевременно слез из очей матери и проклятий из ее сердца на ее сына, решившегося на справедливое и благородное дело. Я сам не буду писать ей о том, что предпринимаю, ибо в моем собственном деле я скорее вызову ее недоверие, чем доверенность». Случилось так, что, неделю спустя после этого письма, сама судьба послала Фесслеру справедливый повод к разрыву с орденом, к которому он принадлежит, и что еще важнее — тот повод касался не его личных интересов, а участи всей братии, вручившей свою судьбу ордену. 23 февраля 1782 г., в полночь, Фесслер был введен по приказанию настоятеля о. Велекунда в неизвестную ему до тех пор подземную монастырскую темницу. Он должен был приобщить св. Тайн заключенного там монаха по имени Никомеда, приближавшегося к смерти. Несчастный старик умер в этой ужасной тюрьме на руках Фесслера. В течение пятидесяти двух лет он должен был искупать там грех юношеской вспыльчивости. Для всякого человека, нравственная природа которого еще не искажена каким-либо уродливым влиянием жизни, достаточно одного подобного события, чтобы понять ложность тех оснований, на которых покоится самое учреждение, способное допустить в себе подобное явление. Глубоко возмущенное чувство человеколюбия, не умершее еще под одеянием капуцина, и мысль о возможности подобной же опасности для самого себя побудили Фесслера открыть в тайном письме на имя императора Иосифа II существование адской пропасти, в которой умерщвляла свои жертвы духовная ненависть. «Счастлив я, — писал Фесслер Раутенштрауху, 1 мая того же года, — что мое указание на темницу в здешнем монастыре попало в ваши руки; этим я обеспечен от всякого предательства. Уже после того, как письмо мое попало в руки императора, я обратил внимание на это — и понял, на что я отважился, если б [601] император отдал мое донесение для доклада какому-либо другу монахов, что могло случиться весьма легко. Я успокоен теперь извещением от вашего секретаря. Я ему сообщил также мои мысли о способе и средствах, коими, как мне кажется, должно быть ведено следствие». Не все, однако же, знавшие Фесслера отнеслись к поступку его с такой похвалой, как Раутенштраух. По крайней мере Молинари поспешил высказать ему свое неудовольствие по этому поводу. Но Фесслер был настолько убежден в основательности своего дела и в справедливости своих взглядов, что ничье вмешательство не могло изменить его намерений. Он подал письменный доклад, в коем исходил из мысли, что император, в соглашении с нуждавшимися в деньгах папой Пием VI, с честолюбивым

кардиналом Мигацци и некоторыми благомыслящими епископами, при содействии значительного числа просвещенных или по крайней мере ученых прелатов, может преодолеть все трудности, если только захочет произвести что-либо великое. Фесслер даже намечал пределы самой реформы, указывая при этом подробно и самые средства достичь соглашения с церковной властью¹¹). Последствия отвечали его желаниям. Произведены были строгие розыски во всех мужских и женских монастырях австрийской монархии. Уже в сентябре 1782 г. выведено было на свет Божий из мрачных темниц различных монастырей значительное число иноков в инокинь. По повелению императора, все монастырские тюрьмы были разрушены. Но это не приобрело Фесслеру друзей между монахами. Прежняя подозрительность его собратий по ордену превратилась теперь в ненависть, и началось непримиримое преследование открывшего всей стране монастырские тайны. В конце 1782 г., когда вполне окончился круг предписанных ему орденом ученых занятий и духовных послушаний, решено было перевести его в один из отдаленнейших монастырей Венгрии и держать там в забвение от остального света. Фесслеру нечего было терять, и он решился на крайнее средство. Он подал просьбу императору, в которой изъяснял, что, не имея возможности усовершенствовать свои богословские познания в монастырских школах, желал бы продолжать свои занятия в венском университете, где он намеревался также изучать естественное, государственное и церковное право. А чтобы вызвать своих тайных преследователей [602] на явный бой, он напечатал под своим именем небольшое сочинение под заглавием: «Что есть Император?»¹²).

Этим роковым сочинением Фесслер открывал свою будущую литературную деятельность, вступал в борьбу с сословием, членом которого был сам, и выступал на путь, имевший влияние на судьбу целой его жизни. Эпиграфом к первому выпуску этого сочинения взяты были слова Оригена из его Толкований к пророчествам Иеремии, имеющие такой смысл: «Все это объяснено было другими уже прежде меня. Но так как я не отверг их объяснений, а, напротив, привял с возможным одобрением, то и предлагаю здесь мнения других. Не имея притязаний на титул первого объяснителя, я повторяю только объясненное». И в самом деле, книжка Фесслера есть не что иное, как сочетание бесчисленных выдержек из св. писания, из творений отцов церкви и сочинений различных католических писателей, клонившееся к выяснению главной мысли автора о верховных правах императора в церковных делах. Замечательная начитанность, обнаруженная Фесслером в этом сочинение, получала еще большее значение от применения ее к одному из самых важных вопросов того времени. «Император! — говорит автор в своем предисловии: — ни о чем не слышно теперь, как об императоре. Придворный, воин, гражданин,

¹¹ Rückblicke u. s. w., S. 108. flg.

¹² „Was ist der Kaiser? Verfasst von einem Kapuziner-Mönch. Herausgegeben von Fessler. 3 Heften. Wien, bei Joh. G. Weingand, 1782.

священник, монах и даже любой сельчанин, работающий плугом, зывают: Император! Но что же такое император? Постараюсь ответить на этот не менее важный вопрос, чем вопросы: что есть папа? что есть епископ? и др.». В этих словах нельзя не видеть намека на обратившие тогда к себе общее внимание брошюры уже известного нам церковного публициста, Иосифа Валентина Эйбеля, в которых рассматривались только-что названные Фесслером вопросы¹³). «Предметом моего объяснения, — говорит далее Фесслер, — не будет римский император в ограниченном смысле слова, но вообще христианский владетель, коему Создатель обществ вверил кормило государственного правления. Так как я уклоняюсь от всеобщего почти определения, или, точнее сказать, от всеобщего почти предубеждения, то это мне тем более простительно, чем выше воззрения тех, которых я привожу в [603] ручательство за истинность моего ответа. Придворный мог обожать всегда владетеля своей земли, как виновника своего счастья, воин — почитать как наградителя своей храбрости, гражданин — любить как своего защитника в покровителя. Он для священника будет повелителем своих государств; для монаха, как в делах временных, так и духовных, преданным слугой римского двора; а для сельчанина тем, чем угодно будет представить его любому невежде или странствующему монаху. Разнообразие всех этих взглядов не помешает мне показать, чем должен быть император и вообще христианский государь для правомыслящих христиан. Учение и примеры св. отцов должны служить руководством при наших размышлениях, если хотим быть христианами. Мы не впадем в заблуждение, если будем смотреть на императора так, как смотрели на него отцы со всей заслуживающей уважения древностью».

В самом сочинении Фесслер доказывал, что император есть послушный сын церкви в духовных делах; что всякий государь в своей стране есть предустановленный от Бога устроитель временных дел, имеющий защищать церковь, устранять смуты и беспорядки в религиозных делах и охранять исполнение определений св. церкви; что он в пользовании своей властью независим от власти духовной и подчинен только одному Богу. В доказательство этих положений приведены были последовательно мнения: св. Иринея, Тертуллиана, Августина, Иоанна Златоуста, Григория VII, Епифания, папы Льва Великого, св. Исидора, Евсевия (биографа Константина Великого), постановления вселенских соборов, парижского синода 829 года, византийских новелл, средневековых историков и новейших церковных писателей. Вслед за первым появился и второй выпуск, о значении которого сам автор так выразился в письме к дяде Андрею Кнейдингеру: «Эпиграф на выходном листе из Сам. I, 10, 25 и псалм. 40, 11 предъизвещает всех друзей истины и человечества о теперешнем затруднительном положении моем. Этот второй выпуск написан основательнее, сильнее, резче, чем первый, и может служить

¹³ „Was ist der Pabst?“ (Wien, 1782). — „Qu'est-ce que le pape?“ Trad. de l'Allem. (16. 1788) — „Was ist ein Bischof?“ (Ib. 1782) — „Was ist ein Pfarrer?“ (Ib. 1782). — „Was ist Ablass?“ (Ib. 1782).

меркой нынешних познаний моих в естественном, государственном и церковном праве. Чем скуднее могли быть они, тем более должно побудить это сочинение моих друзей к защите меня, если они сообразят только, при каких затруднениях, в каком возрасте, лишь тайно и частным образом я должен был приобретать эти сведения». Во втором выпуске говорилось, [604] между прочим, и об обязанностях членов духовенства относительно государя.

Фесслер мог лично наслаждаться учеными достоинствами своего сочинения; но даже для самых умеренных его противников оно представлялось церковно-политическим памфлетом. Оно раздражило его врагов особенно тем, что действовало оружием, освященным религиозными преданиями и церковной историей, и что отвечать на столь прямо поставленный вопрос в смысле противоположном было не безопасно. Жизнь Фесслера в монастыре стала почти невозможной; его отношения к своему ордену — невыносимыми. Вот как сам он изображает тогдашнее положение свое в автобиографии: «Жизнь стала для меня мучительной, и я бы истощился телесно, если бы не обладал большим запасом жизненных сил. Очень часто мне приходило в голову намерение спастись бегством, удалиться в чисто протестантскую землю и перейти в лютеранскую церковь, ибо от папской церкви уже давно не осталось в моей душе ни единой йоты. Но мое самолюбие восставало с неодолимой силой против мысли о тайном бегстве; оно наставляло меня держаться прекрасного правила древних : *Perfer et obdura, dolor hic tibi proderit olim*, пока не удастся разорвать связующих оков честным образом»¹⁴).

Пока Фесслер обдумывал таким образом средства избавиться от своих отношений к монашескому ордену, церковные власти обвинили его и нарушении обетов убожества, повиновения и чистоты. Он вызван был на суд к архиепископу и кардиналу Мигацци. Его собственный дядя Георгий выступил против него в числе обвинителей. О последствиях суда Фесслер так писал Андрею Кнейдингеру в Пресбург от 3-го сентября 1782 года: «Мои дела принимают неблагоприятный оборот. Моя судьба приближается к решительному шагу. Все слабее становится моя надежда победить козни монахов и кардинала-архиепископа. Только неисповедимое предопределение Божие может меня извлечь из замешательств, в которые я вижу себя завлеченным. За известное вам письмо и напечатанное сочинение мое был я обвинен пред архиепископской консисторией и отлучен на 4 недели от священнодействия. Вчера истек срок этого наказания, и сегодня в первый раз я снова читал мессу». В столь трудных обстоятельствах Фесслер нашел, кроме прелата Раутенштрауха, [605] влиятельного защитника в лице барона Франца-Карла фон Кресселя, председателя назначенной императором духовной комиссии. Оба они старались представить перед императором невинность Фесслера. Успех увенчал их усилия, хотя

¹⁴ Rückblicke u. s. w., S. 128. flg.

достижение цели и стоило более года. 6-го февраля 1784 г. Фесслер был назначен лектором восточных языков во львовском университете. Вместе с тем, особым императорским повелением он уволен был на законном основании из ордена капуцинов. Наконец, в ознаменование особой милости своей, император подарил ему 150 р. на путевые издержки. Но особенно изуверные из бывших собратий его по ордену не хотели отпустить его с миром. За два дня до отъезда случилось происшествие, которое могло стоить ему жизни. В полночь, когда он занимался в своей келье, напал на него о. Сергей с большим кухонным ножом и с криком: «умри, еретик!» фанатик исполнил бы свое намерение, если бы Фесслер не успел вовремя схватить лежавший на столе кинжал и ранить им в руку нападавшего. Оробевший капуцин выронил нож и убежал. «Закрытие монастыря, — говорит Фесслер, — было бы может быть самым легким наказанием за такое преступление, если б о нем было доведено до сведения монарха. Но так как я уже уволен был из монашеского звания, и не хотел мстить, то ограничился надлежащим наставлением настоятелю Никифору, как охранить, с одной стороны, мою личную безопасность, а с другой — общественное уважение к ордену. Поддержанный моими показаниями, настоятель получил от барона Кресселя позволение передать о. Сергия, как впавшего в помешательство, на попечение сердобольных братьев»¹⁵).

Свое состояние по прибытии во Львов Фесслер характеризовал впоследствии такими словами: «Брошенный в свет, я очутился без верований, без религии, полный мертвого книжного знания, с пустым сердцем, со взглядом, привыкшим в исповедальне искать в людях человека, в беспомощном положении секуляризованного монаха, который мужественно выдержал суровую борьбу с своей судьбой, с запасом неустановившихся сил среди людей, которым такое положение было чуждо, странно, противно, среди людей с такими требованиями, которых они не могли оправдать предо мной, среди людей с смешной склонностью к покровительству, которым я не считал достойным пользоваться, без всякой справедливости в [606] приговорах и обращении, которой я заслуживал и желал, без уменья открыть во мне что-либо самостоятельное, даже без склонности допустить это во мне. Так я очутился в трудном положении, которое увеличивалось еще более тем, что, как я узнал впоследствии, экс-иезуиты прислали во Львов еще до моего приезда значительное число зловещих писем, и тамошний губернский советник гр. Каленберг распускал обо мне такое мнение: человек простого происхождения может ли научить чему-либо порядочному? А между будущими слушателями моими были спрашивавшие: чему хочет учить нас этот капуцин, который вчера еще был таким же студентом, как мы?»¹⁶).

При таких обстоятельствах 15-го марта 1784 года открыл свои чтения Фесслер во Львове, в присутствии начальства двух тамошних семинарий,

¹⁵ См. Rückblicke u. s. w., S. 479.

¹⁶ Rückblicke u. s. w., S. 183 flg.

профессоров, нескольких экс-иезуитов, многих духовных лиц и более чем 200 учащихся. Он произнес речь о важности восточной литературы и книг Ветхого Завета, как неисчерпаемого источника божественного воспитания рода человеческого. Его речь была плавная, живая, ясная и точная. В несколько месяцев он приобрел расположение слушателей, которые убедились, что капуцин, которого они незадолго перед тем не считали достойным уважения, может научить их кое-чему. Со своей стороны и Фесслер, польщенный таким расположением, усилил свои занятия, но излишними работами по ночам расстроил свое здоровье. Медленно поправлялось оно, несмотря на медицинскую помощь; во зато научные познания через чур усердного лектора значительно увеличились. Но когда он попытался войти в общество, проникнуть в его отношения, то скоро убедился, что пришлось бы стать в разлад с самим собой при сближении с светом. Одним он казался надменным, другим злым и опасным человеком. Не встретив доброго расположения в большинстве своих новых знакомых, Фесслер ограничился дружбой с несколькими учеными людьми, между которыми особенно выдавались профессор Мартинович и советник Цалмер. Кроме их основательного образования, связывала Фесслера с ними узами дружбы общая любовь к музыке. Достаточно было одного семестра успешного преподавания для того, чтобы возвысить Фесслера во мнении университетского совета. Через девять месяцев после своего назначения в лекторы, он воз- [607] веден был 11-го ноября 1784 г. в звание ординарного профессора и вместе с тем получил степень доктора богословия.

Ко времени профессорской деятельности Фесслера в львовском университете относятся следующие труды его. Для начинающих богословов он издал «Еврейскую антологию»¹⁷⁾, а затем «Руководство к языкам: еврейскому, халдейскому, сирийскому и арабскому»¹⁸⁾, которые он препроводил президенту придворной училищной комиссии в Вене, многосторонне образованному барону ван Свитену. О первом сочинении так отозвался венский профессор Менсбергер в письме к автору от 2-го мая 1787 года: «Вы и этой антологии превзошли как самих себя, так и мои ожидания. Вы явились в ней основательным экзегетом и ясномыслящим критиком. Хотя я знал вас давно за просвещенного человека с глубокоиспытующим духом, однако ж я не надеялся в столь короткое время увидеть подобный труд, который требует продолжительного пользования нашими новейшими и лучшими писателями и неутомимой выборки из их сочинений». Приятное впечатление, произведенное таким отзывом знатока о его литературной деятельности, увеличено было еще в Фесслере тем

¹⁷⁾ „Anthologia hebraica, e sacris Hebraeorum libria deprompta, adjecta veraione latina et annotationibus“. Leopoli, 1787, 4 maj.

¹⁸⁾ „Institutiones linguarum orientalium, Hebraicae, Chaldaicae, Syriacae et Arabicae, cum Chrestomathia arabica I. G. Eichhornii“. Pars prior. Oratista, 1787. Вторая часть вышла там же, двумя годами позднее, под заглавием: «Pars posterior, Institutiones linguae Chaldaicae et Arabicae complecteus».

вниманием и благосклонностью, которые оказал ему император Иосиф II, посетивший львовский университет около того же времени.

Но совершенно иные впечатления вынес Фесслер из путешествия во время летних вакаций по некоторым частям Венгрии и Австрии, которое он предпринял для свидания с родными и друзьями. По поводу своего посещения нескольких монастырей во время этих странствий, он выразился так: «Нигде не нашел я и следа братской любви: повсюду встретил преследования и опасности, свидетельствовавшие о старой ненависти. Пробыв несколько дней в Офене, я узнал, что отец Сергей, который за четыре года пред сим хотел убить меня, занимает в одном из монастырей этого главного города почетное место проповедника». В это время Фесслеру приходило не раз на мысль, что единственным средством к улучшению католических монастырей может служить просве- [608] щение. И прежде, не особенно рассчитывая на императорское покровительство, он воздерживался говорить с кафедры против католицизма. Еще осторожнее сделался он, получив предложение преподавать кроме прежних предметов, догматику и полемику. Но, вернувшись из путешествия, он послал из Львова письменное сообщение провинциалу ордена, отцу Хризологу, в котором изобразил все неприятности, которые ему пришлось испытать при посещении различных капуцинских монастырей. Как императорский чиновник, он был совершенно изъят от монастырской подсудности, и потому в помянутом сообщении просил письменного и формального расторжения между ним и капуцинским орденом. Отец Хризолог, уважавший права и справедливость, не поколебался исполнить эту просьбу и приложил к своему ответному письму увольнительное свидетельство ¹⁹). Разорвав, таким образом, последние связи с орденом, Фесслер переименовал свое монашеское имя Иннокентия на прежнее, данное ему при крещении, — Игнатия, прибавив к нему еще одно из имен, которое носил блаженный Августин, сочинения которого особенно уважал Фесслер, — имя Аврелия. Тем не менее, Фесслер не отказался от мысли, сохраняя звание профессора, получить также и место приходского священника в львовской епархии. Но львовский католический архиепископ был под влиянием иезуитов, из которых особенно не любил Фесслера пронырливый математик отец Лезганик, чаще других бывавший у архиепископа. Когда же в конце 1787 года ректор пештской семинарии Максимилиан Верховац, старый знакомый Фесслера, назначен был Иосифом II в загребские епископы, Фесслер поспешил обратиться к нему с просьбой о переводе его в загребскую епархию. Верховац отвечал любезным письмом от 14-го ноября 1787 года, в котором изъявлял полную готовность удовлетворить желанию Фесслера, если он пришлет ему увольнительное свидетельство от капуцинского ордена ²⁰). Фесслер исполнил требование Верховаца; но

¹⁹ См. „D. Fessler's Ansichten von Religion und Kirchentum". 2 Th. (Berlin, bei Joh. Dan. Sander, 1805), 8. 341.

²⁰ Там же, стр. 390.

инсталляция последнего замедлилась, а между тем в судьбе Фесслера произошла новая, совершенно неожиданная перемена.

Из переписки с Верховацем видно, что между внутренним, духовным состоянием Фесслера и внешним положением [609] его во Львове не было полной гармонии. Он искал променять профессорскую деятельность на другую. «Мои догматико-полемические лекции, — говорит он сам, — были очень поверхностны и скучны, ибо я должен был работать над самим собой. В первый раз увидел я после скептических замешательств несколько лучей света. Но это был свет практического смысла, а не озарение из чистого разума. Таким образом, я приведен был на старый путь, на коем однако ж нельзя было построить нечто целое и прочное, ибо вообще при помощи одних книг достигается очень малое. «Opera posthuma Spinosae» лежали передо мной, как алгебраическая величина; но я еще был неспособен из их высокой и высшей степени извлекать корни. Однако же его строго научная метода подействовала на меня с неодолимой силой. Я отказался от беспричинного скептицизма; мой ум воспринял в себя с жадностью его пантеизм и каждое повторение его догматических формул полагало новый камень для здания, в коем я, презирая всякие бури, надеялся вскоре утвердиться. После того, как я несколько раз перечел Этику, мне все показалось родным в этом до очевидности крепком, на алмазных скалах построенном замке, ибо я знал *буквально* все, что написал Спиноза, но столь же мало, как и его противники, или еще меньше, понимал я из того, что он усматривал и разумел в *Едином* и *Всем*, что более в его духе, чем в формах его букв, отражалось, как чистый отблеск божественного, что жило в его душе, невыраженное понятиями и словами, в единстве бытия и мышления. Несмотря на то, его Этика пробудила во мне некоторые движения новой жизни. Последняя развивалась во мне самостоятельно, пока не достигала силы, заставлявшей меня усмотреть, что мой ум опять только подменил одну неудовлетворительную систему другой, вытекавшей из оной» ²¹).

Охладев к такой спекулятивной работе духа, а также к богословию и вообще ко всему католицизму, но сохранив жажду литературной деятельности, Фесслер схватился за мысль представить в Марке Аврелии образ мудрого и праведного правителя и воплотить его в историко-психологическую картину. Он выбрал для этого диалогическую форму, ибо считал ее особенно удобною для представления психологических движений. Но чтобы испытать свою спо- [610] собность к диалогическим произведениям, он написал трагедию в пяти действиях, под заглавием: «Сидней», содержание которой взято было из английской истории времен Иакова II. «В ней, — говорит Фесслер ²²), — представлен был низкий поступок сладострастного и кровожадного полковника Кирке с Лилою, которой он обещал за одно ночное посещение сохранить жизнь ее арестованного любовника Сиднея, но на другой день

²¹ Rückblicke u. s. w., S. 220 flg.

²² Там же, S. 322.

показал ей из окна его повешенным. В междудействиях были отчасти представлены бесчеловечные жестокости судьи Джеффри и самого Кирке; произвол властолюбивого Иакова II и вредные проделки иезуитов отчасти описаны самыми яркими красками. Целое, — заключает Фесслер, — носило следы моего в высшей степени возмущенного духа и дико изливавшейся, без всякого определенного направления, силы». Чтобы узнать, насколько он способен, по мнению других, к составлению драматических произведений, Фесслер прочел свою трагедию некоторым друзьям. Они должны были смотреть на нее только как на работу, подготовленную к другой, более значительной, и, оставляя в стороне самое содержание, обращать внимание единственно на механическую сторону диалога. Однако же его друзья, увлеченные мыслью трагедии, стали настаивать, чтобы он передал свое произведение директору львовского театра Тоскани. Авторское самолюбие заговорило в Фесслере, и он удовлетворил желанию друзей. С разрешения императорско-королевского театрального цензора, барона фон Дорнфельда, трагедия была исполнена 26-го января 1788 года с большим искусством при шумно выразившемся сочувствии публики. Особенно понравились резкие выражения о тирании Иакова II и фанатизме папистов в Англии. Но присутствовавшие при представлении иезуиты извлекли из его обстановки весь яд, который можно было излить на автора. Во главе их стал уже известный нам математик — патер Лезганик. Что сказано было в трагедии об Иакове II, то представили они относящимся к Иосифу II, и вообще нашли в ней множество соблазна, возбуждение к мятежу, нападение на католическую церковь и порицание ее священников. У автора отобрали рукопись трагедии, у актеров — реплики их ролей. Подробно извещенный о тайных происках этих иезуитских доносчиков, Фесслер стал сомневаться в благоприятном исходе дела. Если бы о нем было доложено даже самому импе- [611] ратору, то и тогда можно было опасаться невыгодных последствий, ибо в то самое время Иосиф II был крайне недоволен нидерландскими волнениями и занят был приготовлениями к турецкой войне. Предчувствие Фесслера не обмануло его. Его втянули в фискальный процесс. Один из его друзей, губернатор Галиции, граф Иосиф Бригиго, обратил его внимание через своего медика, доктора Саду, на опасность, которая грозила ему от иезуитов. Решение Фесслера принято было быстро: не выжидая дальнейшего развития дела, он бежал в прусскую Силезию. Письменный отказ от профессуры он положил в свой письменный стол. Один из друзей приготовил ему почтовых лошадей на имя известного во Львове купца. «Так выехал я из Львова, — замечает Фесслер в своей автобиографии, — 2-го февраля 1788 года, в 7 час. вечера, при 28-вш градусах мороза, не имея другой поклажи, кроме маленького мешочка, заключавшего в себе некоторые бумаги и все мои скудные пожитки. Я ехал безостановочно днем и ночью, и вечером 6-го февраля прибыл в Бреславль». С тех пор Фесслеру не суждено было снова увидеть своей родины.

II

В Пруссии

Не без цели Фесслер, оставляя Львов, направился именно в Бреславль. Там жил книгопродавец Корн, издатель вышеупомянутых руководств его к изучению восточных языков. Дружеский прием, который нашел Фесслер в его доме, примирил разочаровавшегося в людях бывшего монаха и профессора с его неудачливой судьбой, возвратил утраченную веру и человеческое благородство и удовлетворил потребности примкнуть к кому-либо своей деятельностью. Первым делом Корна было напечатание злополучной трагедии, так круто изменившей судьбу Фесслера²³). Вскоре появились рецензии на этот драматический опыт нашего автора, и одна из них имела благоприятное влияние на участь Фесслера тем, что обратила на него внимание владетельного князя одной из небольших им- [612] перских территорий, которыми так богата была Германия в прошлом столетии, и которые вскоре подверглись медиатизации, — Шёнаих Каролата. Он пожелал познакомиться с Фесслером и вскоре пригласил его в свою резиденцию Валисфурт в качестве воспитателя детей своих. Переезд туда Фесслера из Бреславля совершился 2 июля 1788 г. Благодаря развитому в нем чутью к красотам природы, ему поправилось уединенное житье среди Валисфуртских скал. Однако же он принимал живое участие и в непринужденной жизни того просвещенного кружка, который собрал около себя многосторонне-образованный князь, и нередко участвовал в его увеселительных походах. Но от этих прогулок и от занятий с детьми князя оставалось еще много свободного времени, которое Фесслер и употребил на окончание задуманного им еще во Львове сочинения о Марке Аврелии. В течении 1789 и первой половины 1790 года Фесслер успел написать три книги этого сочинения, которые и изданы были Корном в Бреславле (в 1790). Первое издание имело эпитафю слова: «Semper honos, pomenque tuum, laudesque manebunt». Это сочинение дожило в 1791 г. до второго, а в 1799 году до третьего издания, умноженных четвертой частью и украшенных довольно изящными литографиями, изображавшими Марка Аврелия и некоторые события из его жизни. Первая часть посвящена была наследной принцессе-княгине Шёнаих Каролата, рожденной герцогини Саксенмейнингенской, Амалии; вторая — наследному принцу и князю Генриху-Карлу; третья — владетельному герцогу Брауншвейг-Вольфенбютельскому Карлу-Вильгельму. Четвертая часть, написанная уже в 1791 г. в Берлине, посвящена была прусскому генералу, коменданту крепости Глогау, фон Рютцу. Причиной посвящения

²³ „Sidney, ein Trauerspiel in fünf Aufzügen“. Köln, 1788; 8°, - собственно же в Бреславле. Рецензии о ней см. в: Allgem. 1788, Bd. III, S. 789; - Oberdeutsche Allgem. Liter. Zeit., 1788, Bd. IV, S. 3261.

последнему этой части были слова его к Фесслеру о том, что «Фридрих-Великий всегда имел перед собою пример Марка-Аврелия, имя которого не сходило с его уст». Внешняя форма сочинения была диалогической. Вся жизнь Марка-Аврелия и римской империи в его время разделена в изложении Фесслера на множество глав, начинавшихся кратким описанием относившихся к каждой из них событий и состоявших иногда из весьма длинных разговоров между действующими лицами. Само собой разумеется, что, придерживаясь исторической и археологической истины, Фесслер вел самый диалог в тоне философских и психологических рассуждений. Главная цель, по собственному его выражению, состояла в том, чтобы «показать, как, при известных пси- [613] хических условиях, под влиянием данных, не выдуманных отношений времени и народности, мог и должен был явиться такой правитель, каким был Марк-Аврелий». По избранной задаче сочинение Фесслера могло нравиться большинству тогдашней публики, чему помогала и легкая форма изложения, дававшая возможность читателям без особенного труда знакомиться с историческими событиями целой эпохи и судьбах древнего Рима. Такой успех среди читателей засвидетельствован был и повторенными изданиями книги. Но в литературном отношении она подвергалась довольно строгим замечаниям со стороны тогдашних критиков²⁴). Фесслер утешался вниманием публики к его произведению и нравственным влиянием его на читателей. Он убедился в том, между прочим, по его собственному признанию, известившись, что одна супружеская чета, принадлежавшая к высшему состоянию, проживавшая врознь, муж в Берлине, жена в Вене, и имевшая намерение развестись, отказалась от него, глубоко тронутая суждениями Фаустины, одного из действующих лиц в книге Фесслера²⁵). Остается прибавить, что оканчивал своего «Марка Аврелия» Фесслер уже во время первого посещения им Берлина, где, знакомясь с различными замечательностями города, он имел также случай войти в сношения со многими из тамошних ученых и художников, как-то: Рамлером, Гёккингом, Тидге, Вильгельмом фон Гумбольдтом, Ганцем, Шадовом и др. Знакомство и беседы с этими людьми были отчасти причиной, что Фесслер в четвертой части «Марка Аврелия» откровенно высказал свои политические и религиозные убеждения устами пленного короля квадов, Ариогеза, и христианского мудреца, Атенагора²⁶).

В связи с этим пребыванием Фесслера в Берлине стоит и его решение перейти из католицизма в лютеранскую церковь. Впоследствии Фесслер дважды в своих сочинениях объяснял причины, побудившие его к такому шагу. В автобиографии он говорит: «как законно уволенный из

²⁴ Срав. рецензии „Марка-Аврелия“ в „Allgem. Lit.-Zeit.“, 1791, Bd. I, № 86, S. 683 fg., Allgem. deutsche Bibl. Bd. XCIV, S. 445, Bd. CIII, S. 492, Bd. CIV, S. 179; Neue allg. deutsche Bibl. CV. Bd, S. 379, LV Bd., S. 388; Oberdeutsch. Allg. Liter.-Zeit., 1790, B. I, S. 285, 1792. B. II, S. 627.

²⁵ „Marc-Aurel.“, 3 Aufl., Bd. III, S. 192 fg.

²⁶ Срав. также статью Фесслера: „Ehrensrettung des Dr. Fessler zu Kuttlau in Schlesien“, в Шлёцеровских „Staatsanzeigen“, 1790, Heft 57, S. 76 fg.

монашеского звания, но все еще католический священник, вызвавший нена- [614] висть к себе духовенства и подверженный его тайным козням и преследованиям, а потом занявший выгодное положение при князе реформатского исповедания, мог ли я, при моем известном анти-римско-католическом образе мыслей, поступить иначе, как перейти в другое церковное исповедание, и при том именно в евангелическо-лютеранское, а не в исповедание князя, у которого я служил, дабы поставить мое решение выше всяких нареканий в своекорыстии и ласкательстве? Моя вера в непогрешимость церкви и в установленные ею догматы о покаянии и пресуществлении святых даров была давно уже утрачена, потому что глубокий смысл последнего догмата: полный переход чисто человеческого в божественное, посредством всеобъемлющей и всеосуществляющей любви, был сокрыт от моего чувства. Без этих верований, казалось мне бесчестным выдавать себя, исповедуя других и читая мессы, а также исповедуясь и причащаясь, истинно верующим римско-католиком, каким я, в действительности, уже давно не был. Если бы я исполнял это, то я бы считал себя запятнанным самым низким лицемерием, обманщиком целого общества, в моих глазах все еще пользовавшегося уважением; а если бы не исполнял, то между моими церковными отношениями и моим церковным поведением вкралось бы чувство двойственности, с которым я не мог бы помириться. Как мнимый католик, с противоположными убеждениями в сердце, стоял я тогда уединенным в смысле церковного общения. Я не принадлежал ни к какому исповеданию, не имел права участвовать ни в одном из них. Я считал вредным церковный нейтраллизм, пример коего подают некоторые из сограждан, исполняя все гражданские обязанности и пользуясь всеми гражданскими выгодами, но не считая нужным принимать видимое, действительное и нелицемерное участие в каком-либо церковном обществе. Чем выше положение таких нейтраллистов, тем могущественнее их пример. Низшие, на которых они имеют влияние, сделаются сомневающимися, а сомневающиеся или неверующими, или индифферентами подобно своим образцам»²⁷). К этим религиозным убеждениям Фесслера присоединился особый взгляд на принятые им на себя обязанности наставника детей владетельного князя. Он боялся, чтобы подаваемый им пример церковного индифферентизма не ослаблял [615] в его воспитанниках впечатления, которое они получали от уроков своего придворного проповедника. В другом своем сочинении Фесслер объяснял свой переход из католицизма в протестантизм подобными же побуждениями, но выраженными несколько иначе. «Кто не знает основательно католицизма, — говорил он в одном из писем, излагавших его взгляды на религию и церковь²⁸), — кто не жил в нем всей душой, кто не предавался ему с внутренним убеждением, — тот никогда не в состоянии возвыситься над ним. А кто не возвысился над ним

²⁷ См. „Rückblicke auf seine siebenzigjährige Pilgerschaft“ (Breslau, 1824), S. 249 fg.

²⁸ Dr. Fessler's Ansichten von Religion und Kirchentum (Berlin, 1805), 2 Th. XIV Brief, S. 385 fg.

основательным изучением его и полной деятельной жизнью в его формах, тот навсегда останется неспособным вполне понять его, верно изобразить и правильно оценить. Наше понятие о земле останется односторонним и неполным, пока мы живем на ней; а о солнце, Юпитере, Уране и миллионах других миров мы знаем бесконечно менее, потому что никогда не жили там. Короче: не живи я в римской церкви полной деятельностью священника и учителя, и останься теперь в моем внутреннем мире хоть искорка католицизма, я не мог бы изобразить его таким, каким он есть на самом деле. Я очень охотно признаю за ним право на высокое уважение; но да позволено мне будет распространить это мое уважение также на евангелическую, реформатскую, гернгутерскую, магометанскую и на все церкви земли, в символах которых только сохранилась более или менее сущность религиозного содержания. Этим я достаточно объяснил, почему и каким образом оставил я католическую церковь и перешел в евангелическую». Далее, упоминая о том, что если, благодаря ходатайству графа Бригида, с него и снята была, высочайшим повелением от 8 июля 1788 г., всякая ответственность за представление во Львове трагедии «Сидней», за самовольный отказ от должности профессора, и предоставлялся свободный въезд в австрийские земли, он прибавлял, что, несмотря на то, ему уже трудно было бы получить место священника не только в Галиции, но даже и в Хорватии, а по смерти Иосифа II, в виду начавшейся реакции, его положение в конце-концов было бы невозможным. Правда, и в прусской Силезии было католическое учебное заведение и некоторые из знакомых Фесслера считали возможным поступление его на службу в этом училище; но директор экс-иезуит Зеплихал, зная откровенный образ мыслей Фесслера, [616] отстранил эти посторонние ходатайства за него. Повторив и на этот раз свое мнение о церковном нейтралитете, о неестественном положении человека, стоящего вне какой-либо церкви, Фесслер говорит, что он более года решал в себе вопрос о переходе из одной церкви в другую, и только 10 июля 1791 г. явился к соседнему лютеранскому пастору и просил его о принятии в евангелическую церковь, если это возможно сделать «без клятвенного отречения от католицизма и без формального обряда исповедания веры. Свободно мыслящий и стоящий выше сектаторского духа пастор нашел для меня и то и другое излишним. Его вполне удовлетворило мое письменное объяснение, что я впредь желаю принадлежать к евангелической церкви и принимать от нее таинство причащения». Этот пастор был проповедник нижнесилезского города Бейтена, Куновский: он сообщил правительству о переходе Фесслера, а ему выдал надлежащее свидетельство ²⁹).

Совершенный Фесслером шаг дал ему внутреннее успокоение и определил его внешние отношения. С бодрым духом принялся он за дальнейшую литературную деятельность и написал другое историческое

²⁹ Там же, S. 402—403. Срав. Rückblicke u. s. w., S. 252.

сочинение в диалогической форме: «Аристид и Фемистокл»³⁰). В нем он пытался представить жизнь двух великих современников и соперников. Сохраняя их исторические характеры, он хотел только показать, как в одно и то же время, в известном народе, при данных национальных отношениях, один деятель мог сделаться образцом гражданской справедливости и любви к родине, а другой — примером самолюбивой политики. Такие характеры, конечно, давали автору возможность изобразить перед читателями упорную борьбу между строгой правдивостью и лукавой государственной мудростью. В то же время Фесслер ревностно продолжал еще ранее начатое изучение кантовской философии. Неусыпным трудом он достиг того, что до такой степени проникся содержанием Критики чистого и практического разума, что, оставив прежнее спокойное созерцание пантеиста, думал уже найти в конечном единственно прочную, в пределах всякого разумного знания, точку зрения, из которой только порывом разумной веры можно приблизиться к бесконечному и вечному. Он сознавал себя настолько счастливым при таком [617] веровании и настолько дорожил его обладанием, что в своем энтузиазме к критической философии опасался каждого прямого или косвенного нападения на нее по той причине, что в нем самом скрывалась боязнь снова потерять приобретенные с таким несказанным трудом убеждения. Для него было чрезвычайно важно стать в гармоническое отношение к самому себе и ко всему миру, так что он не предчувствовал, как далек был от этой цели. Такое состояние духа, лишь фиктивно успокоившегося, такое непрерывное умственное напряжение, значительно истощили физические силы Фесслера к концу 1791 года. Даже употребление вкусных и сытных яств за княжеским столом, при его сидячем образе жизни, не могло восстановить его здоровья. Князь удовлетворил его желанию иметь умеренный стол. Но не в этих случайных улучшениях скрывался истинный предмет жизненных исканий Фесслера. Его воображению все чаще и чаще представлялся прелестный образ собственного скромного очага и домашней жизни. Скорый во всех своих решениях, и на этот раз Фесслер поступил согласно своему обычаю. Его выбор не замедлил пасть на девицу из общеуважаемого городского семейства, жившего в местечке, недалеко от Каролата, просто, умеренно, но в довольстве, несмотря на ограниченные средства. Он, конечно, не мог предусмотреть, что брак, в который он вступал, будет несчастлив, как он потом убедился. Но, по крайней мере, он не мог упрекать себя в том. Еще прежде обручения он послал невесте обширное письмо, в котором с откровенностью порядочного человека извещал ее самым обстоятельным образом о своих требованиях и привычках, дабы облегчить ей отказ, если она не найдет в себе сил исполнять одни и переносить другие. Отказа не последовало. Напротив, обещание, которое дала много требовавшему

³⁰ „Aristides und Themistokles“, 2 Bde (Berlin, 1792, mit 2Titelk. u. 2 Vign., 8⁰). Рецензии о ней см. „Allg. Liter.-Zeit. 1793, Bd. II, № 108, S. 124. В 1818 г. было напечатано второе издание в Берлине же.

жениху добродушная девушка, удовлетворять все его желания, ускорило бракосочетание, которое и состоялось 25 января 1792 г.; оно было потом для Фесслера источником десятилетней печальной жизни. Последняя искра расположения к жене погасла в нем вследствие различных обид, которые она, благодаря своему раздражительному характеру, часто наносила его глубоко любимой матери, которую он вызвал к себе из Пресбурга. Фесслер думал изменить свою жену, то упрекая ее за подобные поступки, то обращаясь к ней с убедительными просьбами быть более кроткой; но не мог ее перевоспитать, ни изменить образа ее [618] мыслей. Впрочем, ни сам он, ни биографы его не сообщают особенных подробностей о жизни Фесслера с первой женой ³¹).

А между тем судьбе угодно было напомнить Фесслеру при таких обстоятельствах о его прежней монастырской жизни, и притом о жизни в таком монастыре, о котором он сохранил наиболее добрые воспоминания. 20 апреля 1794 г. он получил длинное письмо на латинском языке, писанное еще 10 марта, от бывшего настоятеля монастыря Бешниё, о. Целестина, теперь уже духовника колочского архиепископа, графа Владислава Коллонича, Ничего не зная о переменах, происшедших в судьбе Фесслера, о. Целестин, напоминая ему о прежних отношениях их, о бывших разговорах между ними, звал его возвратиться в капуцинский орден, обещая ему отеческий прием со стороны своего архиепископа. Растроганный Фесслер отвечал почтенному старцу и со своей стороны воспоминаниями о жизни в Бешниё, но затем подробно излагал со своей точки зрения все дальнейшие происшествия, случившиеся с ним, и указывал на невозможность возвратиться назад, принося благодарность за попечения о. Целестина об его участи ³²).

И тяжелые семейные обстоятельства, и переход и лютеранскую церковь, совершившийся не без внутренней борьбы для самого Фесслера, должны были повлиять на его литературную деятельность. Как человек, щедро одаренный от природы и обладавший сильным характером, он стал искать в этой деятельности утешения для сердца и отдохновения для ума. С одной стороны, он возобновил свои филологические занятия древними языками, с другой — стал собирать материалы для истории Венгрии, обширное изложение которой дало ему впоследствии такую литературную известность. К филологическим трудам за это время относятся изданные им вместе с И. Фишером сочинения Сенеки, снабженные примечаниями от издателей ³³).

Литературные же занятия венгерской историей Фесслер начал в виде небольших опытов. Сперва он издал биогра- [619] фию Матвея Корвина,

³¹ Срв.: „Ersch u. Gruber“, Allgem. Encyklop., B. I, Th. 43, S. 276—277.

³² См. „Geschichte der Entlassung des gewesenen Pastors in Saratow, Karl Limmer“, von Ign. Fessler (Dorpat und Riga, 1823), S. 109-128. „Rückblicken“ u. s. w. S. 453 flg., 463 flg.

³³ „L. A. Senecae Philosophi Opera omnia. Ad fidem LXIII librorum veterum, tum manuscriptorum, tum impressorum recensuerunt et cum adnotationibus Ign. Aur. Fessler et I. C. Ch. Fischer“, 3 partes (Vratisl. 1795, 8⁰).

затем жизнеописание короля гуннов Аттилы ³⁴). Матвей Корвин представлялся в его изображении как идеальнейший из королей Венгрии: он называет его Прометеем своей нации, отцом своего отечества, бесстрашным героем, покровителем наук и искусств. Изложив кратко в предисловии судьбу Венгрии от прекращения династии Арпада до Матвея Корвина, он представляет деяния последнего в четырех главах и по своему обычаю в диалогической форме. Сочинение украшено было портретами Матвея Корвина и Юрия Подебрада и еще двумя литографиями, изображавшими события из жизни Корвина. Сочинение об Аттиле уже имело вид более ученого исследования, чем литературного упражнения. Сперва приведены были отзывы о нем известнейших историков прошлого столетия: Ф. Фишера, Дегиня, Гаттерера, Гердера и Краузе; затем представлен был обзор тех стран, в которых совершалась деятельность Аттилы, и, наконец, следовал рассказ об этой деятельности, сопровождавшийся ссылками на источники. Из рисунков, приложенных к книге, стоит заметить портрет Аттилы с рогами на голове, ибо они у древних служили символом силы и могущества, и с заостренными ушами. Взгляд автора на Аттилу заключался в следующем: «суд истории над империей цезарей начат был Аларихом; Аттила продолжал это дело: к нему, быть может, весьма бы шло прозвание исполнителя, если бы он не был более варваром, чем человеком, имеющим власть над собой, и если бы в решительные минуты он действовал более по своим убеждениям, чем под влиянием чувств своих».

С другой стороны, будучи столько же человеком дела, сколько и кабинетных занятий, Фесслер, очевидно, не вполне удовлетворенный одним только внешним переходом в лютеранство, [620] впервые стал искать практической возможности применить к жизни свои идеи о внутреннем человеке и внутреннем христианстве. В последние годы своего пребывания на службе Каролатского князя он впервые является видным деятелем среди тогдашних мистиков и масонов. 9 ноября 1793 г. он основывает в одном из местечек, принадлежавших к владениям князя, в Польской Тарне, общество под именем «Союза Эвергетов», имевшее целью содействовать взаимному нравственному и умственному развитию сочленов. Однако же, и это общество, по примеру многих других ему современных, было заподозрено в

³⁴ „Matthias Corvinus, König der Hungarn und Grossherzog von Schlesien. Vom Verfasser das Marc-Aurel“ (Berlin, 1793—1794), 2 Theile, II-te Ausgabe, Breslau 1796. Рецензии на это сочинение появились в Goth. gel. Zeitg. 1796, S. 788; Literarische Beilage zu den schlesischen Provinzialblättern, 1793, S. 303, 1794, S. 176, 209; Neue Allgem. deutsche Bibliothek, Bd. XXV, S. 266; Oberdeutsch. Allgem. Lit.-Zeit. 1794, Bd. II S. 585 fg. — „Attila, König der Hunnen. Von Dr. Fessler“ (Breslau, 1794, 8° mit Titel u. 2 Vign.). Рецензии в Allgem. Lit.-Zeit., 1795, Bd. II, № 150, S. 433 fg. (замечания Фесслера на эту статью там же, Intelligenzblatt, № 81, S. 646); Neue Allgem. deutsche Bibl, B. XXI, S. 396; Oberdeutsch, allgem. Liter.-Zeit, 1795, Bd. I, S. 963; Literar.-Beilage zu den schlesisch. Prov.-Blätt., 1795, S. 43 fg., 65 fg., в Jakob's Philosoph. Anzeiger, 1795, S. 409 fg. Статья самого Фесслера под заглавием: „Einige Gedanken über Herrn K—r's Einwendungen gegen den historischen Roman“.

политических стремлениях и 4 февраля 1795 г. должно было прекратить свое существование ³⁵).

Спустя год с небольшим, владетельный князь Каролата, доходы которого стали значительно уменьшаться вследствие событий того времени, вынужден был из экономии уволить от своей придворной службы многих чиновников, а в том числе и Фесслера. Последний переселился в мае 1796 г. в Берлин. Литературные занятия, к которым он так привык, стали с тех пор единственным источником для пополнения оскудевших средств к жизни. К этому времени относится появление нового историко-литературного произведения Фесслера, на которое сам он смотрел, как на продолжение прославленной тогда книги Бартеlemi: «Путешествия молодого Анахарзиса по Греции». Продолжение должно было заключать в себе преимущественно рассказ об исторических событиях. Вышло в свет две части, из которых в первой описывались дела «Александра Завоевателя», а и другой излагалась история «Ахейского союза» ³⁶). Но эти сочинения были только случайным занятием для Фесслера, а главным интересом для него стало дело масонства. Участие его в судьбах последнего стало расширяться все более и более с каждым годом, после переезда в Берлин. Те идеи о нравственности, справедливости и высшем развитии духа, которые высказаны были Фесслером еще в «Марке-Аврелии», принадлежали к числу любимейших идей того времени и возбуждали сочувствие к пропагандировавшим их в образованных людях разных состояний. В [621] высших слоях общества они имели многочисленных поклонников. Имя Фесслера, как автора «Марка-Аврелия», вскоре стало известно в интеллигентных кружках Берлина, и одна из проживавших там иностранок, принадлежавшая по своему происхождению к лифляндскому дворянству, вдова ландрата фон Ренненкампф, поручила ему воспитание троих сыновей своих. В то же время она подала ему надежду, что он может взять к себе на воспитание многих молодых дворян из Лифляндии. С этой целью Фесслер открыл в своем доме в 1797 г. пансион, который однако же в следующем же году был закрыт, ибо император Павел I вызвал всех подданных России, учившихся за границей. Это распоряжение снова подорвало материальные средства Фесслера. Из столь затруднительного положения он выведен был отчасти предложением, которое ему сделали министры фон Шрёттер и фон Фосс, принять должность консультанта при новом восточно- и южно-прусском департаменте. Это, однако же, не избавило его от необходимости продать часть своей библиотеки для покрытия долга, в который вовлекло его открытие пансиона. Но с другой стороны новая должность предоставляла

³⁵ См. Fessler's „Actenmässige Aufschlüsse über den Evergeten-Bund in Schlesien“, herausgeg. von Fr. Mossdorf (Freiberg, 1804, 3⁰).

³⁶ „Fortsetzung der in Anacharsis' Reise enthaltenen Geschichte von Alt-Griechenland“. 1 Bd. „Alexander der Eroberer“ (Berlin, 1797 8⁰). II Bd. „Der achaische Bund“ (Ib., 1798). Рецензия в Allgem. Liter.-Zeitung, 1798, Bd. IV, № 344, S. 395.

ему много свободного времени, которое он и посветил обратить на деятельность иного рода, с целью развлечься от семейных дразг. Эта деятельность вполне принадлежала масонству.

Есть известие, что еще 1 мая 1783 г. он был принят во Львове в ложу «Феникс»; а 2 июня 1796 г. он перешел в ложу «Royal York», существовавшую в Берлине, и, наконец, 11 января 1797 г. он основал совершенно независимо от масонских лож, пережившее впоследствии и самого основателя своего, общество друзей гуманности (Gesellschaft der Freunde der Humanität). Участие в делах масонской ложи было источником многих неприятностей и хлопот для Фесслера. Он сам в одном из своих сочинений ³⁷⁾ подробно рассказывает, как был приглашен директорией вышеназванной Берлинской ложи выработать полную реформу и отмену обманчивого порядка степеней, секретничанья и мистических обрядов, утвердившихся в этой ложе, дабы оправдать публично выразившееся доверие и покровительство правительства ³⁸⁾, и каких могущественных [622] врагов он возбудил через то против себя между членами остальных берлинских лож. Принявшись за ту работу, он должен был вступить и борьбу с различными воззрениями и предубеждениями. Между тем как одни, проникнутые и одушевленные высшим назначением человека, не обращали никакого внимания на пустые церемонии, а держались только чистого понятия о постепенно совершенствующейся нравственности, другие не видели в жизни никакой благородной цели, кроме удовольствий и чувственных наслаждений, и смеялись над глупцами, которые дозволяли ради вечной жизни обманывать себя во время земного существования. Большинство, неспособное к самостоятельному мышлению, считало предложенную Фесслером систему не чем иным, как применением кантовской философии; остальные же подозревали в ее основаниях католицизм и иезуитизм. Столь различные приговоры и пересуды не могли однако же смутить Фесслера, который полагал, что его заботы об устройстве ложи были не бесполезны и не бесцельны. В твердом убеждении, что в моральном порядке вещей, точно также как и в физическом, ничто не может пройти бесследно, он неутомимо занимался реформой ритуала, и в то же время разрабатывал подробную историю масонского ордена с древнейших времен до 1802 г. ³⁹⁾. Он считал себя

³⁷⁾ См. Fessler's „Die Rückblicke auf die letzten sechs Jahre seiner Logenthätigkeit“, herausgeg. von Fr. Mossdorf (Dresden, 1804).

³⁸⁾ Срв. статью Фесслера: „Bestimmungsgründe eines weisen und gerechten Fürsten, die Freimaurerei in seinen Staaten zu beschützen“, в издании: „Die gute Sache der Freimaurerei“ u. s. w. (Züllichau, 1798), № 2.

³⁹⁾ Большое сочинение Фесслера: „Geschichte des Freimaurer-Ordens von den ältesten Zeiten bis zum J. 1802“ никогда не было напечатано; но списки с него в 4 фолиантах были продаваемы членом ордена, фрейбургским книгопродавцем Герларом, и покупались только ложами, или богатыми членами. Зато изданы были в Берлине и Фрейбурге 3 части Фесслеровых: „Schriften über Freimaurerei“ (1801 сл.), куда вошли и материалы для истории союза Эвергетов в Силезии, и повествования о шестилетней деятельности Фесслера в берлинской ложе Royal-York, о которых говорено было в приведенных выше примечаниях, и, кроме того, вошли:

вполне вознагражденным, если хоть изредка получал одобрение кого-либо из достойных уважения и понимавших дело людей. Этот труд значительно облегчался ему его дарованиями и опытом, знакомством с целым явлением и его отдельными частями, развившейся вследствие жизненных неудач способностью к обобщению, умением скоро работать, наконец, серьезным, хладнокровным и непреклонным характером его. Но эти последние качества были причиной того, что он неохотно склонялся к [623] соглашениям и уступкам. Такой образ действий до того усилил вражду против него в среде масонских лож, что он должен был, наконец, 5 сентября 1802 г., сложить с себя все обязанности, связывавшие его с ложей, и которой он принадлежал. Фесслер оставлял масонский орден с полным сознанием, что трудился для его пользы, или, как он полагал тогда — для религии, добродетели и нравственности, настолько, насколько позволяли силы его. Но и для него самого шестилетняя деятельность в масонских ложах была поучительна. Она умерила его требования от людей и научила его искусству жить в собственном идеальном мире и действовать в мире обыкновенном. В короткий, шестилетний период он, по собственному призванию, расширил и очистил свои воззрения на мир, на людей и на самого себя, как никогда прежде. Остается прибавить, что в том же 1802 г. Фесслер разведен был законным образом со своей женой с обоюдного согласия, — и таким образом очутился снова свободным от семейных уз, как был свободен и от общественных связей, наложенных на него принадлежностью к масонству⁴⁰).

Но в личной, внутренней жизни Фесслер остался прежним мечтателем. Долго преследовавшие его, и по выходе из масонского ордена, пасквили, летучие листки и злые карикатуры не могли отбить у него охоты трудиться и впредь, хотя и на ином поприще, для просвещения и улучшения людей. Но такие попечения о других естественно должны идти рука об руку со стремлением к самоусовершенствованию. Одним из могущественных средств для такой цели могло быть путешествие, личное знакомство с замечательными людьми своего времени и умственное общение с ними. Путешествие оказалось нелишним и для поправления здоровья, утомленного многолетними трудами и семейными невзгодами. Он провел несколько летних и осенних недель 1802 г. в странствованиях по Германии, во время которых на его долю выпало много интересных знакомств с учеными, писателями и художниками тогдашней Германии, переживавшей тяжелый период перехода от разлагавшейся политической жизни и полному пробуждению национального духа. Прежде всего он узнал в Гиршберге проректора Фишера, к которому его привлекало пристрастие к

„Freimaurerische Briefe aus Kleinwall“, относящиеся уже к 1801 году. В периодических изданиях того времени встречаются также относящиеся к этому отделу статьи Фесслера: „Versuch eines allgemeinen Maurer- und Logenrechts“, в „Köthner's Taschenbuch für Freimaurer auf das Jahr 1805“, S. 131 fg.; „Geheime Gesellschaften“ в „Eunemia für 1802“, Januar, S. 14 fg. и другие.

⁴⁰ Следует упомянуть, что в первые годы своего пребывания в Берлине Фесслер был одним из редакторов (вместе с Паубахом) „Berlinische Archiv der Zeit und ihres Geschmacks“.

кантовской [624] философии. В Гамбурге он виделся с Реймаром и Клопштоком. С последним он виделся в течение нескольких дней, и потом очень часто припоминал то чувство, с каким этот поэт во время прогулки к могиле его возлюбленной Меты, прочел ему гимн: «До свидания!» (Das Wiedersehen). В Магдебурге он беседовал с одним из образованнейших последователей Канта, проповедником Меллином, и консисториальным советником Функом; в Клостербергене посетил Резевица, Дельбрюка и др. Консисториальный советник Штрейдгорст, ректор Фишер и в особенности добродушный восьмидесятилетний поэт Глейм заставили его долго помнить о своем пребывании в Гальберштадте. С чувством особенного благоговения посетил он в Вольфенбюттеле гробницу Лессинга, которого давно считал одним из величайших умов своего времени. Библиотекарь Лангер познакомил его с литературными сокровищами тамошнего книгохранилища. В Брауншвейге он имел сношения с Кампе, Эшенбургом и многосторонне образованным книгопродавцем Фивегом. Приятные воспоминания остались в нем от поездки из Ганновера в Зальцдален в семейном кругу знаменитого пейзажиста Вейтча. В нем утвердилось тогда, по собственному его выражению, мелькавшее и прежде в уме его убеждение, что «приятность от обхождения с художниками точно также относится к удовольствию от обращения с учеными, как наслаждение от беседы с привлекательной и гениальной женщиной относится к созерцанию высеченной из камня Минервы». В Геттингене Фесслер заинтересовался библиотекой и другими учеными учреждениями: с тамошними учеными он вошел в самые близкие сношения. Так, он посещал лекции Планка, Герена, Эйгорна и Блюменбаха. С профессорами Штейном и Балдингером и живописцем Титбейном Фесслер познакомился в Касселе. В Готе он посетил Лефлера, Якобса, Шлихтегралля и других ученых. Случайно ему не удалось видеть Гёте в Веймаре; но он провел несколько приятных часов с Виландом, Бёттигером и Жаном-Полем-Рихтером. С наибольшим удовольствием провел он время у Гердера, о чем позднее вспоминал в таких выражениях: «хотя я в Гердере и нашел решительного противника кантовского чистого разума, однако же воздержался, из уважения к глубоко добродушному и вполне религиозному человеку, от всякой защиты моих искренних убеждений и детски порадовался тому выражению любви, с каким он подарил мне, после долгой, чрезвычайно поучительной для меня [625] беседы о религии, религиозности, христианстве и церкви, свои «Разговоры о Боге». Мое чистосердечие пред ним было безгранично, ибо я нашел его нисколько не ослепленным и не возгордившимся от того блеска, который его окружал, а также не отуманенным и не усыпленным тем воскурением лести, которое щедро воздавалось ему»⁴¹). Затем очень привлекла к себе Фесслера Иена, благодаря замечательным людям, которые составляли тогда украшение ее университета: он введен был в ученый

⁴¹ О своем путешествии по Германии Фесслер говорит в „Rückblicke auf seine 70-jährige“ etc. S. 290—325.

кружок, к которому принадлежали тогда: Паулуc Шютц, Гуфланд, Шеллинг, А. В. Шлегель, Тик и другие. Наслаждение, испытанное им при этом, не могло быть нарушено даже нападением на него, как писателя, которое позволил себе Тик в только-что появившемся тогда «Принц Цербино». Равным образом, он мог вполне удовольствоваться тем местом, которое Тик назначил ему еще в прежнем своем литературном приговоре, среди погибших душ Беттигера, Гердера, Виланда и Клингера⁴²). В Дрездене, месте последней остановки в его путешествии, Фесслер нашел соединенным, по собственному его признанию, все, что может удовлетворить душу и сердце человека: прекрасную природу, друзей и лучшие произведения изящных искусств. К наиболее важным знакомствам его в Дрездене следует отнести Аделунга, библиотекаря Дасдорфа, любителя художеств барона Ракница и живописца Графа. Каждый из них доставил ему удовольствие или в области своих знаний, или своими художественными сокровищами. Но вообще к числу самых сильным путевым впечатлений принадлежали оставшиеся в нем от разговоров с Резевицем и Гердером: они потрясли его веру в учение Канта о разуме. Борьбу, какая вызвана была в уме Фесслера новыми взглядами на философию Канта, он неоднократно описывал потом в своих сочинениях⁴³). Как бы то ни было, сношения Фесслера с новыми людьми, столкновение вынесенных оттуда впечатлений с прежними взглядами обновили в нем внутреннего человека; а вернувшись в Берлин, он нашел и новую семейную жизнь для себя. 22 ноября 1802 года он вступил в брак с дочерью местного фабриканта, Каролиной-Марией Вегели. Это был счастливый союз, ибо вкусы супру- [626] гов были одинаковы. Они оба в ту пору желали переменить городскую жизнь на сельскую. Уделяя часть своих скромных доходов, Фесслер купил маленькое имение под Берлином Клейнваль, куда они и переселились 24 июня 1803 г. Но довольно дорого стоившая усадьба не принадлежала к числу доходных. Тем не менее Фесслер не терял надежды на улучшение своего хозяйства, и старался применить к управлению приобретенным им имением экономические правила, предписанные учением Теера. Свободные часы своего сельского уединения он наполнял литературными работами. Но время, в которое он перешел от городских занятий к сельским, не особенно благоприятствовало последним. Наполеоновские войны все более и более затрагивали интересы Германии, касаясь и прусских областей. Наконец, сражение под Иеной, вторжение французов внутрь Пруссии, военные повинности и реквизиции, наложенные победителями на жителей, отняли у Фесслера последнюю надежду на поправление своего экономического положения. Наконец и вознаграждение, которое он получал по знанию консультанта при департаменте юго-восточной Пруссии, прекратилось. Он вынужден был продать свое имение со значительными потерями и переселиться в деревню

⁴² См. Ticck's Poetisches Journal. I Jahrg., S. 215.

⁴³ „Rückblicke“ u. s. w., S. 326 fg.; — „Ansichten über Religion und Kirchentum“, I Th., S. 54 flg.

Нижний-Шёнгаузен, находившуюся также под Берлином, и поддерживать существование своей семьи усиленными литературными занятиями. В это время у него уже было трое детей, и только благодаря хозяйственным заботам жены хватало на первых порах на устройство порядочной домашней обстановки тех небольших средств, которыми они располагали. Наконец, некоторые из друзей Фесслера, узнав о его бедственном положении, предложили ему небольшую поддержку деньгами и другими способами: 11 июня 1808 года он переселился вместе с семейством в Буков, подле Бескова, к одному из своих приятелей, советнику Кунике. Все это время сельской жизни, следовавшее непосредственно за путешествием по Германии и вступлением во второй брак, составило особый период в литературной деятельности Фесслера.

Сочинения и издания его, относящиеся к 1802—1809 гг., отличаются самым разнообразным характером. Прежде всего, он оставался верен занятиям журналистикой и, участвовав в редакции сперва периодического издания под названием «Эвномии» в товариществе с И. Г. Роде (1801), потом «Элевзины» с И. Х. К. Фишером (1802—1803), в следую- [627] щие два года издавал «Эвномию» один⁴⁴). Далее, к этому времени, особенно же к пребыванию в Клейнвальде, относится окончательная обработка последних отделов вышеназванных сочинений о масонстве. Неудачи, испытанные самим и последние годы жизни, и бедствия, постигшие немецкую народность, возбудили и без того всегда сильное в Фесслере религиозное чувство; а чтение таких сочинений, как Шлейермахера «Беседы о религии», и Шеллинга «Бруно», вызвали в нем мысль самому написать что-либо в том же роде. Следствием такого решения было появление в свет отчасти уже известного нам, по приведенным выше выдержкам, сочинения «О религии и церкви». Оно появилось в Берлине в 1805 г. в трех частях и заключало в себе 25 писем к другу, имя которого названо только начальными буквами. Здесь рассматривались различные вопросы, касавшиеся религии вообще, христианства, различных христианских сект и партий, значения и целой церкви; кроме того, встречались беспрестанные отступления, касавшиеся внутренней жизни самого автора и в особенности его перехода из католической в протестантскую церковь. Сочинение это отличалось оригинальностью мыслей и было поучительно для современников не только с точки зрения религиозной, церковной и философской, но и в историческом отношении — любопытными суждениями об отдельных партиях и сектах⁴⁵). Затем следовал целый ряд полуисторических рассказов и философских романов, появление которых в свет было вызвано отчасти бедственным положением

⁴⁴ „Eunomia, eine Zeitschrift des neunzehnten Jahrhunderts“ (Berlin) Jahrg. 1801—1805. Интереснейшие статьи этого издания, особенно принадлежащие перу Фесслера, названы в *К. Н. Jordans* „Lexikon deutscher Dichter und Prosaisten“ (Leipzig, 1806, Weidmann, 8⁰), Bd. II, S. 514 fg.

⁴⁵ „Ansichten von Religion und Kirchentum“, 3 Thl. (Berlin, 1805, 8⁰), отзывы в: „Freimüthigen, 1805, №№ 228, 230, 233; Neue Leipz. Liter.-Zeit., 1806, Bd. II, S. 977.

автора, нуждавшегося в ссудах от книгопродавцев, отчасти были, как он сам выражается, игрой причудливого расположения духа. Сюда относятся: «Абелар и Элоиза»⁴⁶⁾, «Мистические ночи Бонавентуры»⁴⁷⁾, «Терезия или тайны жизни и любви»⁴⁸⁾ и «Алонзо или Монсе- [628] ратский странник»⁴⁹⁾. Все эти сочинения были написаны еще в Клейнвальде. В Шёнгаузене он написал: «Придворный шут Лотарио»⁵⁰⁾, а в Букове: «Ночной страж Венедикт»⁵¹⁾. Все эти занятия литературой, развлекавшие его в уединенной жизни, иногда прерывались небольшими поездками в Лейпциг и Дрезден, и, кроме того, посещениями берлинских друзей. Тогда особенно сошелся с ним Захарий Вернер. Но потом между ними произошло охлаждение, причиной чего было различие литературных вкусов и взглядов. Фесслер отозвался о трагедии Вернера: «Die Weihe der Kraft», как о злом промахе против исторической истины, поэтического правдоподобия, театральных правил и церковных приличий; а потом пародировал романтическую трагедию Вернера «Аттила» в вышеназванном романе «Венедикт». Даже гораздо позднее Фесслер продолжал отзываться о произведениях Вернера в таком роде: «Одно время хотели давать на театре в качестве романтических трагедий драматические стихотворения: «Дети долины», «Мартин Лютер», «Аттила» и др., полные вымыслов, хотя и не лишённые некоторых красот, и была достойна удивления та готовность, с какой большинство принимало эту игру несдержанной фантазии за романтизм, облеченный в форму трагедии. Но в действительности, только испанец Кальдерон-де-ла-Барка и немец Шиллер написали романтические трагедии, да и то последний лишь одну, хотя и единственную по своему совершенству⁵²⁾. Не лишне будет однако же заметить здесь, что и последние сочинения самого Фесслера не всегда встречали одобрение со стороны критики. Один из почитателей его, еще и 1807 году, поместил в весьма распространенном тогда журнале статью, в которой высказал весьма благонамеренные советы, стараясь направить авторскую деятельность Фесслера в иную сторону⁵³⁾. В некоторое оправдание Фесслера могут быть приведены крайне стесненные денежные обстоятельства его. Он сам с обычной своей откровенностью указал на них читателям в предисловии к «Алонзо»: «Я не владею на земле, — говорил он, — никаким

⁴⁶⁾ „Abelard und Heloise“, 2 Thle (Berlin, 1806, 8⁰, mit Titelk. u. Vign.). отзыв в Allg. Liter.-Zeitung., 1806, Bd. III, № 334.

⁴⁷⁾ „Bonaventura's Mystische Nachte" (Berlin, 1807, 8⁰). См. Morgenblatt, 1808, № 71.

⁴⁸⁾ „Theresia, oder Mysterien des Lebens und der Liebe. 2 Bde (Breslau, 1807, 8⁰, mit Kk.). См. Hall. Allgem. Lit.-Zeit. 1810, № 38.

⁴⁹⁾ „Alonso oder der Wanderer nach Montserrat aus Don Boreas Papieren“, 2Thle (Leipz., 1808, 8⁰ mit Kk.). Срв. Morgenblatt, 1809, № 187.

⁵⁰⁾ „Der Grosz-Hof-und Staats Epopt Lotario, oder der Hofnarr“ (Berlin, 1808, mit Titelk. und Vign., 8⁰). См. Morgenblatt, 1808, № 129.

⁵¹⁾ „Der Nachtwächter Benedikt" (Berl, 1809, 8⁰, mit Kk.). См. Morgenblatt, 1809, № 73.

⁵²⁾ См. Fessler's „Resultate seines Denkens und Erfahrens“ (Breslau, 1826), S. 266 fg.; срв. „Rückblicke“ u. s. w., S. 349.

⁵³⁾ См. Morgenblatt, 1807, №№ 152, 153.

другим имуществом, кроме заключающегося в моих сочинениях; а со времен тильзитского мира при всем желании и усилиях сделать что-либо более полезное, чем изображение моего внутреннего мира в книгах, мне не представилось никакого гражданского занятия, никаких других способов приобретения, как это простое упражнение». Далее, описав свое бедственное положение, дошедшее до того, что в тот самый день, когда он дописывал первую часть «Алонзо», в доме не было ни гроша, Фесслер переходил к перечислению своих друзей, помогших ему выйти из столь тяжелого положения. Это были: д-р Вейс, придворный советник Бёттигер, юстиц-секретарь Моздорф, профессор Гейер и придворный актер Христ из Дрездена, книгопродавец Герлах из Фрейберга, д-р Керндёрфер из Лейпцига, профессор Фихте и тайный советник Клейн из Берлина, а также масонские ложи названных городов. «Зачем я предаю это публичности?» — спрашивал Фесслер, и объяснял, что, с одной стороны, желал показать эгоистическому свету, потерявшему веру в чувствительность людей, важность дружеских связей, которыми поддерживается общество, а с другой, чтобы внушить своим детям чувства любви и благодарности к людям, которые старались внушить ему и его родители. Впрочем, Фесслер и в это время не был только поставщиком книг, спешно написанных для получения денег от издателей. В Шёнгаузене он написал исторический рассказ о трех великих королях Венгрии из Арпадского дома, о Стефане и Владиславе Святых и Коломане Ученом. Эти рассказы, вместе с перепечатанными тогда же «Аттилою» и «Матвеем Корвином», составили четыре части «Картин из древних времен Венгрии»⁵⁴). и Букове он пытался написать несколько очерков из истории испанского народа, которые и вышли под заглавием: «Древние и новые испанцы»⁵⁵). Это было последнее сочинение Фесслера, написанное им еще во время пребывания в Германии. Вскоре судьба его совершенно изменилась: он приглашен был в Петербург. [630]

III

В России

Александр I, преобразовавший в самом начале своего царствования центральное управление народным просвещением в России и положивший прочное основание для учреждения новых университетов, гимназий, уездных и приходских училищ во всей империи, указом 29-го ноября 1807

⁵⁴ „Die drei grossen Könige der Hungarn aus dem arpadischen Stamme“ как четвертая часть: „Gemälde aus den alten Zeiten der Hungarn“ (Breslau, 1808, 8⁰), с изображением Стефана, Владислава и Коломана. Срв. Allg. Liter.-Zeit. 1809, Bd. I, № 81, S. 657 fq.

⁵⁵ „Die alten und neuen Spanier. Ein Völkerspigel“, 2 Thle (Berlin 1810, 8⁰); второе издание имело еще и такое заглавие: „Versuch einer Geschichte der Spanier“; 2 Bde. (Carlsruhe, 1813—1814, 8⁰).

года объявил о необходимости устроить и духовные училища. Образована была особая комиссия для этой цели, которая, между прочим, выработала проект устава духовных академий. Те статьи этого устава, в которых предлагалась организация учебной части, написаны были М. М. Сперанским, а статьи, касавшиеся внешнего управления, составлены были калужским архиепископом Феофилактом. На основании этого устава существовавшая до тех пор Александро-Невская академия преобразована была в 1809 г. в С.-Петербургскую духовную академию, и для преподавания в ней назначено несколько новых профессоров. Сперанскому поручено было пригласить преподавателей по классу философских наук и древних языков. П. Д. Лодий, преподававший в то время в петербургском педагогическом институте философию, указал ему на Фесслера, как на знатока еврейского языка. Лодий был карпаторусс по происхождению, родился в венгерском городе Мункаче, и в течении нескольких семестров был профессором логики и метафизики во Львовском университете, во время службы Фесслера там же. Он указал Сперанскому на сочинения своего бывшего товарища, относившиеся к изучению языков восточных вообще и еврейского в особенности. Фесслеру предложено было профессорское звание при академии, с вознаграждением в 2,500 руб. в год, начиная с 1-го января 1810 года. Но когда он прибыл в Петербург, то ему поручено было и преподавание философии, по случаю перехода бакалавра философских наук Евгения Казанцева, впоследствии архиепископа и члена св. синода, ректором в Троицкую семинарию. Еще комиссией духовных училищ указан был план преподавания философии в духовных училищах. По этому плану требовалось «изложением о каждом предмете мнений славнейших философов, сравнением их между собой, разрешением и приведением их к общему какому-нибудь началу дать воспитанникам понятие об истинном [631] духе философии, приучить их самих к философским исследованиям и ознакомить их с лучшими методами таковых изысканий». Самому же профессору предлагался такой совет: «он должен быть внутренне уверен, что ни он, ни ученики его никогда не узрят света высшей философии, единой истинной, если не будут его искать в учении христианском, что те только теории суть основательны и справедливы, кои укоренены, так сказать, на истине евангельской; ибо истина есть едина, а заблуждения бесчисленны». Для руководства при преподавании указаны были сочинения Винклера и Бруккера, основанные на началах лейбнице-вольфианской философии.

При таких ясных и определенных требованиях от профессора философии в преобразованной духовной академии, приглашение Фесслера на эту кафедру не могло быть удачным. Его частые переходы от одной философской системы к другой, его склонность к мистицизму и постоянное искание новых положений для науки о духе человеческом, обещали из него замечательного мыслителя, но делали его неудобным как преподавателя. Он начал с того, что представил свою программу

преподавания. В ней он говорил, что совершенство духа полагает «во внутреннем гармоническом согласии между разумом, рассудком, воображением и внутренним чувством». Определив различие между разумом и рассудком в смысле отличия идей от понятий, Фесслер отводил на долю воображения силу изобразительную, а внутренние чувства определял как источник любви и желаний. Отсюда вытекало деление философии на созерцательную и познавательную, теоретическую и практическую. Но в своем изложении самых начал своей науки Фесслер не следовал какой-либо одной философской школе, а по своему обычаю обнаруживал эклектическое сочувствие к учениям разных философов, в особенности тех, которые ставили выше всего внутреннюю жизнь духа, а из новейших философов отдавал предпочтение Фихте перед другими. Что касается внешней стороны преподавания, то Фесслер в своем мнении, принятом комиссией духовных училищ, высказывал такие, вполне справедливые замечания: «я не думаю, чтобы университеты и академии были учреждены на тот конец, дабы юноши, туда записанные, еще не приобвыкшие к трудным занятиям ума, наипаче от слушания публичных уроков выходили учеными; но я полагаю, что уроки преподаются с тем единственно намерением, дабы принимающие их усматривали только путь к твердому учению и учености, и дабы отсюда почерпали они материю для собственных своих размышлений. Мне небезызвестно, что в немецких университетах часто случается, что юноши, когда жалеют издержек на свое содержание или когда предполагают ранее вступить в исправление публичных должностей, в течение двух, а много трех лет, учатся разом у тридцати профессоров и для того по 10 часов в день сидят в школах; но я не хочу умолчать, что немногих доселе находил там мужей основательно ученых, которые бы приписывали академическим упражнениям высшую степень учености, на какую впоследствии времени взошли с великим трудом, и которые бы не заявили потерянными все время, употребленное ими на слушание множества лекций, по причине отнятия у них досуга к размышлению». Остается прибавить, что Фесслеру же поручено было сначала и преподавание церковных древностей, для чего он также представил свой конспект в комиссию духовных училищ⁵⁶). Ни этот конспект, ни порядок преподавания еврейского языка не вызывали в комиссии каких-либо недоразумений, — но взгляды его на философию имели иную участь.

Впоследствии в сам Фесслер, и его немецкие биографы приписывали неудовольствие духовного начальства на систему, введенную Фесслером в преподавание философии, влиянию бакалавра словесных наук, иеромонаха Леонида Зарецкого на тогдашнего ректора академии, архимандрита Сергия Крылова-Платонова. Леонид, преподававший эстетику под руководством преосв. Феофилакта, был одним из даровитейших профессоров академии и

⁵⁶ О службе Фесслера в академии см. *И. Чистовица* „История С.-Петербургской Духовной Академии“ (СПб., 1857), стр. 172,182—183,192—198, 214, 218—219,249— 250, 256—266.

пользовался расположением своих слушателей, и во всяком случае был ближе к Феофилакту, который оказывал ему постоянное покровительство, чем в Сергию, вступившему на службу академии только в январе 1810 г. ректором и профессором богословия. При том не было никакой надобности обращать чье-либо внимание на систему Фесслера и обвинять его в предпочтении платонизма Аристотелевой схоластике, вольфианской эклектике и кантовскому критицизму. Сам Фесслер изложил свою систему в представлении, поданном комиссии духовных училищ, и Феофилакт, как член этой комиссии, нашел нужным подвергнуть конспект Фесслера строгой критике⁵⁷). Мнение [633] Феофилакта об этом конспекте было таково: «Начала, которым Фесслер неуклонно следовать обещает, суть начала разрушительные, а не созидательные». Пять доказательств служили в подтверждение такого обвинения: «1) Фесслер совершенно превращает натуральный ход познаний человеческих, производя начало оных от разума, независимо от чувств; 2) допускает ложные и несовместные с здравым смыслом начала познаний человеческих, приписывая им только условную и подлежательную вещественность и истину; 3) подрывает религию, приняв в основание философии своей пагубные мнения иллюминатов; 4) вводит Платонову философию, которая в первых трех веках христианства столько породила ересей, сколько вольнодумцев во Франции произвела Локкова метафизика, старанием Вольтера допущенная в училища и чрез происки его восторжествовавшая над философией Декарта; 5) кроме Платоновой философии более 25 лет руководствуется учением Плотина (и вообще Александрийской школы), которое в особенном было покровительстве у языческих императоров». Развивая затем подробнее эти пять пунктов, Феофилакт между прочим ссылается и на рецензии некоторых сочинений Фесслера, напечатанные в 1810 году в немецких газетах: «здесь, — говорил он, — Фесслер выставлен ужасным мистиком, и, между прочим, сказано, что он прошел все степени веры, сомнений в познаний, и что, потерявши первую и не удовольствовавшись последними, погрузился в совершенный идеализм. Также упомянуто здесь и то, что он вызван в с.-петербургскую духовную академию и поехал туда для поправления своего крайне бедного состояния». В заключении Феофилакт указывал на то, что комиссия духовных училищ предположила уже, по какой системе должны преподаваться в академии философия и ее история, почему Фесслер должен был или руководствоваться назначенными от комиссии Винклером и Бруккером, или представить начальству об отмене одного и до решения самому по себе ничего нового не вводить⁵⁸).

⁵⁷ Обязанность снестись с ректором до введения нового руководства или перемены в системе преподавания возложена была на профессоров только постановлением комиссии духовных училищ от 11 октября 1813 года, стало быть, более трех лет после удаления Фесслера из академии. См. *Чистовица*, „История СПб. д. акад.“, стр. 217.

⁵⁸ „Замечания члена комиссии духовных училищ, преосвященного Феофилакта, архиепископа рязанского, на конспект философских наук, представленный г. Фесслером“, напечатанные в „Чтениях моск. общ. истории и древностей российских“ за 1859, кн. II, смесь, стр. 115—123.

Вследствие таких противоречий между системой Фесслера и назначенной для академического преподавания программой, он [634] должен был оставить службу в академии 22 июня 1810 года. Преподавание философии и еврейского языка поручено было с сентября доктору Иоганну фон Горну, противнику Кантовской философии, а преподавание церковных древностей отнесено к кафедре церковной истории. Но официальный вызов Фесслера из-за границы на русскую службу обязывал некоторым образом вызывавших обеспечить ему материальное положение, и он получил звание корреспондента при комиссии составления законов, которой управлял Сперанский, с сохранением содержания, выдававшегося на академической службе. Но при этом Фесслер мог воспользоваться еще одним важным условием. Ему разрешено было жить вне Петербурга и выбрать для того любой из русских городов. Конечно, такое условие было предложено отчасти и потому, что оставаться Фесслеру в Петербурге было неудобно, ибо некоторые из духовных лиц опасались его влияние на бывших слушателей и по выходе из службы. Несмотря однако же на краткость своего пребывания в Петербурге, Фесслер успел войти в близкие отношения с некоторыми из своих соплеменников, занимавшими видные места в России и потом принесшими ему пользу своим влиянием: с Аделунгом, Келером, Эллисеном, Беком, Пезаровиусом и другими. Они вскоре приискали ему педагогические занятия в частном учебном заведении, которое было основано коллежским советником Злобиным в городе Вольске, саратовской губернии.

В марте 1811 года Фесслер выехал к новому месту своего служения, где и стал получать 1500 руб. в год при готовой квартире. Однако же заведение Злобина, встретив множество затруднений в местности, мало еще подготовленной к учебному делу, не имело успеха, вследствие чего содержатель, терпевший убытки, объявил через два года Фесслеру, что не может выплачивать условленного вознаграждения. Сохраняя жалованье, которое высылалось из комиссии составления законов, Фесслер решился переселиться со своим семейством в Саратов, что и исполнил 25 февраля 1813 года. Здесь он прожил два с половиной года в семенном кругу, занимаясь отчасти воспитанием сына, отчасти начатой еще в Вольске обработкой венгерской истории, материалы для которой он собирал в течении 23 лет. К этому же времени относится и составленный им план большого сочинения, которому он хотел дать такое заглавие: «Собрание материалов для ученой история России», и о судьбе которого однако же биографы Фесслера ничего не знают. В августе 1815 г., уже почти 60-летний старец, пред- [635] принял он путешествие для поправления здоровья и посетил Сарепту, — центр немецких евангелических колоний на юго-востоке европейской России. Дружественный прием, встреченный им там, внушил ему мысль избрать дальнейшим местопребыванием своим этот более южный город, отличавшийся тогда необыкновенной дешевизной жизни. Но там его ожидали новые испытания. Сперва он потерял младшую

дочь. Потом его лишили того содержания, которое он получал из комиссии составления законов: так отразилось на положении Фесслера падение Сперанского. Впрочем, ему объяснено было официально, что поводом к такой мере было затруднительное положение финансов, вызванное тогдашними войнами и требовавшее сокращения расходов. Как бы то ни было, Фесслер остался без всяких определенных средств. Его годы не позволяли надеяться на безбедное существование при помощи одних литературных работ. Все это послужило поводом к распространению в Германия всевозможных слухов о тяжелом положении Фесслера. В разных газетах было напечатано, что он живет на границах Азии, среди гернгутеров, в крайней нищете, ибо не получает не только никакого определенного содержания от русского правительства, но даже и пособия от своих прежних друзей по масонству, живших во Франции и Германии. Напрасно фрейбергский книгопродавец Герлах, сохранивший сношения с Фесслером, опровергал эти слухи в масонских календарях на 1816 в 1817 годы; напрасно сам Фесслер с негодованием отзывался о подобных выдумках в письме своем к издателю «Русского Инвалида» от 20 апреля 1817 года, — слухи продолжали держаться и даже имели некоторое основание. Хотя община сарептских гернгутеров и помогала Фесслеру на сколько могла жизненными припасами; но скоро у него накопились долги и, чтобы покрыть хоть часть их, он должен был продать значительное число книг из своей библиотеки. Об этой продаже узнали его петербургские друзья, статский советник Пезаровиус и книгопродавец Вейбер, и устроили подписку в пользу его. Равным образом он получил небольшие пособия от Герлаха из Фрейберга и от некоторых знакомых из Пешта и Пресбурга, которые помогли ему несколько поправиться. Наконец, его положение значительно улучшилось в сентябре 1817 года, когда, отчасти под влиянием распространенных в Европе слухов о нищете Фесслера, ему возвращено было все удержанное почти в течении двух лет жалованье с обещанием, что впредь оно будет выда- [636] ваемо правильно. «При столь тяжких обстоятельствах, — говорить сам Фесслер о прожитом в Сарепте времени — я едва имел силы сохранить спокойствие и ясность духа, хотя сердце и обливалось кровью при виде бедствовавшей семьи, и написать, находясь в Сарепте, историю Венгрии с шестой по девятую книги»⁵⁹). В том же 1817 г., четырнадцатилетний сын Фесслера был принят по повелению Александра I бесплатным воспитанником в Царскосельский лицей. Вновь обеспеченное таким образом существование дало возможность Фесслеру совершенно приготовить к печати главный труд его жизни: «Историю Венгрии и ее жителей», появившуюся в десяти толстых томах, отпечатанных в Лейпциге с 1815 по 1825 год.

Столь важный исторический труд, вместе с прежней деятельностью Фесслера, сделали его имя европейски известным. Тогдашний министр

⁵⁹ См. „Rückblicke auf seine 70-jährige Pilgerschaft“, S. 360.

народного просвещения и духовных дел в России, кн. А. Н. Голицын, разделивший внешнее управление церковными делами в империи на два ведомства: православное и иностранных исповеданий, обратил внимание на Фесслера и осведомился о его положении через представителя сарептской общины Лёрца. Он пожелал воспользоваться сведениями и способностями Фесслера на другой, более соответствовавшей его призванию почве. В 1818 г. признано было полезным для жителей России евангелического исповедания, пользовавшегося одинаковыми правами с другими иностранными исповеданиями, учредить сан епископа и высшую консисторию; а для церквей и школ 73 евангелических колоний саратовской губернии образовать провинциальную консисторию. Светским председателем последней назначен был статский советник Рейнгольм, а духовным, в звании суперинтендента (*bischöflich ordinirte Superintendent*), — Фесслер. Перед вступлением в эту новую должность Фесслер съездил в Петербург и Москву⁶⁰). В последней он произнес проповедь в церкви св. Михаила 15 марта 1820 г. в познакомился, между прочим, с знаменитым Лодером и пастором Герингом. Таким образом Фесслер призван был снова к широкой общественной деятельности и поставлен во главе местной евангелической церкви в качестве ее духовного учителя и руководителя. Немедленно по принятии на себя таких обязанностей, Фесслер счел своим [637] долгом представить князю А. Н. Голицыну письменное изложение своих религиозных воззрений и мыслей об устройстве евангелическо-лютеранской церкви⁶¹). Его деятельность в новой должности началась 18 (30) мая 1820 года, почти в то самое время, как В. Н. Каразин в записке, представленной им 13 мая того же года министру внутренних дел, гр. В. П. Кочубею, говорил между прочим: «покровительство, оказываемое отступникам от католиков Фесслеру и Линдлю, приводя в соблазн умы, удовлетворяет столь же мало благочестию господствующей церкви, как и мистические празднества, совершаемые в Михайловском дворце»⁶²). Но едва ли возвышение Фесслера в качестве саратовского суперинтендента, могло соблазнять умы православных. Скорее можно поверить неудовольствию католиков, которые могли видеть в том уравнение прав протестантской церкви с римско-католической в пределах России. И действительно, один из людей, близких к тому времени, говорит в своих воспоминаниях следующее о тогдашнем торжестве мистиков в России: «такое направление не могло быть приятно и латинскому духовенству, особенно когда оно, к изумлению своему, увидело, нарочно выписанных из Баварии, немецких проповедников, сперва Линдля, потом Госнера, распространявших идеи о вере, независимо от иерархии. Довольными могли быть только протестанты, и то не все,

⁶⁰ См. А. W. Fechner's „Chronik der Evangelischen Gemeinden in Moskau“, II B. (Moskau, 1879), S. 97, 103.

⁶¹ Напечатано в „Rückblicke auf s. 70-jähr. Pilger.“, S. 492 flg.

⁶² См. „Русскую Старину“ за 1870 г., кн. XII, стр. 556.

впрочем, — более других те, которые принадлежали к обществам библейским и думали через них склонять умы к протестантизму»⁶³).

Что не все протестанты были довольны назначением в суперинтенденты столь видного деятеля между мистиками, каким был некогда Фесслер, это обнаружилось вскоре после вступления его в новую должность. Следует заметить однако же, что хотя недовольные и указывали на прежнюю деятельность Фесслера, как несогласную по их мнению со всякими иерархическими порядками, но главные поводы к их неудовольствию на первого саратовского суперинтендента вытекали из совершенно иных, чисто личных побуждений. Почти никем прежде неконтролируемое, вполне самостоятельное управление церковными делами в евангелических общинах России давало возможность укрываться от правительственного надзора такого рода [638] действиям, которые были несомненным нарушением не только прав самих общин, но и церковных порядков. Подобные отступления должны были обнаружиться тотчас же по учреждении в Саратове евангелической консистории. Можно сказать, что служебная деятельность Фесслера в новом звании началась с назначения его в число членов комиссии, которая должна была исследовать порочную жизнь пастора Фрюгауфа, пребывавшего в колонии Лесной Карамыш; а в следующем месяце Фесслеру пришлось участвовать в комиссии, рассматривавшей действия саратовского пастора К. Лиммера. Виновные были лишены своих должностей. Это восстановило их против Фесслера, и Лиммер напечатал за границей резкий памфлет, наполненный всякого рода обвинениями против саратовского суперинтендента. Обвинения были такого свойства, что молчать было нельзя, и Фесслер со своей стороны обнародовал не только документальное изложение всего дела, но и сильные возражения против книги Лиммера⁶⁴). Дело Лиммера тянулось более двух лет, возбудило обширную переписку и привлекло к допросу множество лиц. Оно оставило в Фесслере самые неприятные воспоминания. Тем не менее Фесслер исполнял новую должность свою, которая требовала от него внимательного надзора за сохранением в чистоте религиозного учения и нравственности в подчиненных ему общинах, и постоянных наблюдений за действиями проповедников и церковных служителей, а равно и за школьную дисциплиной. Для достижения этих целей Фесслер постарался сблизиться с членом саратовской консистории, пастором Губером, который и помогал ему в том. Фесслер принял надлежащие меры, чтобы поднять нравственность, упавшую в некоторых общинах, и в особенности истребить нравственную одичалость, которая развилась в юности до такой

⁶³ См. „Воспоминания К. С. Сербиковича о Н. М. Карамзине“ – в „Русской Старине“, за 1874 г., кн. IX, стр. 68.

⁶⁴ Карл Лиммер, сперва домашний учитель в Лифляндии, потом евангелический проповедник в Полтаве, переведен был в Саратов только в 1818 году. Он отличался хвастливостью, невоздержанностью в выражениях и отзывах не только о частных делах и лицах, но и о предметах церковного и политического характера, что и лежало в основе некоторых обвинений, возбужденных против него с разных сторон.

степени, что Фесслер иначе не называл ее, как «христианским язычеством». Предложенный им консистории план церковного управления в каждой отдельной общине, подвергнут был всестороннему обсуждению в двух заседаниях, и принят с некоторыми изменениями. Затем Фесслер известил окружным посланием все общины и состоявших при них проповедни- [639] ков о предпринимаемой им церковной визитации. В течении девяти недель, с 28 декабря 1820 до 3 марта 1821 года, продолжалась эта визитация, и Фесслер произнес во время нее 40 проповедей, которые большей частью заключали в себе призывы к покаянию. Столь же часто имел он беседы гомилетического и катехизического содержания. Укоренившиеся в некоторых местностях злоупотребления побудили его обнародовать форму литургии для публичного священнодействия⁶⁵). Чтобы удержать в церковном единении последователей евангелического исповедания, живших вне колоний, в уездных городах, разбросанно и вне всякого общения, Фесслер образовал в таких городах церковные советы из пяти членов, которые и должны были вести с консисторией непрерывную переписку по церковным делам. Труды по управлению евангелическими церквами, находившимися в юго-восточной России, которое в 1827 году было окончательно сосредоточено в саратовской провинциальной консистории, по-видимому, нисколько не утомляли его, а еще более возбуждали к деятельности, хотя по временам, за отсутствием светского президента, на Фесслера падало и все управление консисторскими делами. К этому времени относится издание им нескольких проповедей⁶⁶). По его собственному показанию, он продолжал пользоваться замечательным здоровьем даже тогда, когда ему исполнилось 70 лет. Ежедневно с утра до 2 часов пополудни он занимался в своей библиотеке и составлял воспоминания о прожитой им жизни. Результатом этих занятий были два, наиболее любопытнейшие из сочинений Фесслера, которые вскоре и появились в свет за границей⁶⁷). Вместе с тем наступило время успо- [640] коения и от всяких внешних преследований. Отзывы архимандрита Юрьевского монастыря Фотия, который называл Фесслера «новым Манесом, Лютером и Кальвином, ангелом тьмы во плоти», считал его,

⁶⁵ Еще в 1810 г. Фесслер издал в Петербурге программу: „De liturgia christianaе ecclesiae“. В 1828 году он напечатал в Риге „Liturgisches Handbuch zum beliebigen Gebrauche evangelischer Liturgen und Gemeinden, oder: Liturgische Versuche zur Erbauung der Gläubigen, sowohl geistlichen, als weltlichen“.

⁶⁶ Под общим заглавием: „Christliche Reden. Ein Scherflein zur Erbauung der Gläubiger“ (Riga, 1822, 2 Bde), с посвящением кн. А. Н. Голицыну, которое подписано 20 дек. 1821 г.

⁶⁷ „Rückblicke auf meine 70-jährige Pilgerschaft“, 2 Bde (Breslau, 1824—26); второе издание с предисловием Фр. Бюлау в Лейпциге (1851). — „Resultate seines Denkens und Erfahrens als Anhang zu seinen Rückblicken auf seine 70-jährige Pilgerschaft“ (Breslau, 1826). Оба эти сочинения, вместе с книгой против Лиммера, заключают в себе обильный материал для биографии Фесслера. Для той же цели могут служить и его сочинения, касающиеся масонских обществ. О положении Фесслера в России писал еще при его жизни Hauschild в Allgem. Liter.-Zeit, 1818, № 15. Первым биографом Фесслера был Joh. G. Rhode, издавший: „Nachrichten von dem Leben Ignaz-Aurel Fessler“ (sine anno et loco).

вместе с другими, основателем новой религии ⁶⁸), и в записке, поданной императору Александру I-му 29 апреля 1824 года, требовал изгнания его из России ⁶⁹), были последними признаками тех ненормальных отношений к православной иерархии, в которые Фесслер был поставлен во время своего профессорства в петербургской духовной академии. Последние годы жизни Фесслера прошли в мирных занятиях среди управляемой им паствы. Он умер на 83 году своей жизни, 15 декабря 1839 года.

Такая подвижная, разнообразная и продолжительная деятельность, какой посвящена была жизнь Фесслера, неизбежно вела к столь же противоречивым суждениям о его личном характере и авторских заслугах. Один из его биографов, Дёринг, справедливо говорит, что «Фесслера знали вполне только очень немногие, понимали отчасти лишь некоторые, и многим он представлялся тем, чем не был никогда. Неудивительно, что Фесслер был загадочным явлением для своих современников. Немногие из писателей так резко очертили и так ясно представили в своих сочинениях все течение своей духовной жизни, как Фесслер. В его сочинениях чувствуется, что он сам должен был пройти все ступени веры, сомнения и звания; но, потеряв первую и не удовлетворившись, как кажется, последним, он со всей осторожностью своего рассудка старался найти успокоение в религиозном созерцании и чувстве». По выражению самого Фесслера, в религиозных верованиях его воплощались знание, любовь и жизнь. Но стремление объединить все чувствования, действия и знания в общей идее о бесконечном и вечном нередко приводило Фесслера к такому выражению своих мыслей, что давало основание считать его мистиком до глубины души. Он и сам неоднократно в своих сочинениях подолгу останавливался на размышлениях о мистицизме. «Мистицизм, — говорил он ⁷⁰), — есть врожденное свойство разума, сродное религиозности и философии, высшее возбуждение, а не расслабление силы. Его деятельность начинается там, где оканчивается область рассудка и определения; [641] строго и твердо мыслящий ум может смешать его с мечтательностью чувств или с фанатизмом пылкого воображения и произнести, таким образом, недостойное суждение о нем... Истинная мистика, основывающаяся на деятельности чистого разума и живущая при его свете, может быть не только изучаема, но и научна, из чего следует, что истинный мистицизм бесконечно далек от всякого стремления обращать кого-либо к себе, а стало быть и существование мистической секты немислимо. Только фанатизм, обреченный на неразрешимые противоречия с самим собой, может проникнуться чувством прозелитизма и породить секты». Основой всех форм христианской жизни Фесслер признавал религиозные чувства и воззрения, в во всех богословских системах видел только собрание символов, при помощи которых люди всегда стремились

⁶⁸ См. „Вестник Европы“ за 1878 г., кн. XII, стр. 604, 612 и др.

⁶⁹ См. „Русскую Старину“ за 1875 г., кн. VIII, стр. 475.

⁷⁰ См. „Resultate seines Denkens und Erfahrens“, S. 15—19.

сделать их осязаемыми. Религию, философию и историю Фесслер считал вернейшими и драгоценнейшими спутницами разумно-развивающейся духовной жизни.

Один из историков немецкой литературы выразился так о Фесслере: «Будучи человеком с замечательными способностями и с обширными знаниями, он однако же не столько возбуждал любовь к себе, сколько был предметом порицания, был жертвой своих идей и видел себя оставляемым теми, которые могли бы извлечь его из тяжкого положения, и при всем этом он не предавался сетованиям на безвыходные обстоятельства, а всегда, оставаясь на высоте выработанных им идей, являл собою пример если не вызывавшего на любовь, то по крайней мере чрезвычайно редкого характера»⁷¹). Гервинус, упоминая об исторических романах Фесслера, ставил их на ряду с сочинениями Мейснера, о котором говорил, что он своим «Алкивиадом» открыл ряд самодовольных и невыразимо пустых исторических повестей, которые могут быть разделены на исторические стихотворения и стихотворные истории, смотря по тому, преобладает ли в них вымысел или история. По этому же пути пошел и Фесслер, начавший в 1790 г. «Марком-Аврелием» свой ряд исторических романов⁷²). Другой немецкий историк литературы, Эйхгорн, также высказался против исторических романов, считая их произведениями двусмысленного свойства, слишком [642] близко затрагивающими священные тайны истории, ибо в них так много правдоподобия и прелести и в то же время выдумок. «Марк-Аврелий» Фесслера и ему подобные полуроманы, по выражению Эйхгорна, заставляют желать, чтобы история и роман были разделены друг от друга⁷³). Сам же Фесслер так выразился о своих сочинениях: «мои произведения были белее хвалимы общественным мнением, высказывавшимся посредством критики, чем порицаемы. Но я желал бы, чтобы истые эстетики никогда не произносили суждения о том, что может иметь некоторую цену лишь для религиозных философов. Я желал бы, чтобы никто не брал в руки моих сочинений для забавы, равно чтоб и в будущем никто не пользовался ими только для препровождения времени, ибо они написаны не с этою целью, а ради употребления времени с пользой, как для меня самого, так и для тех, для кого духовная жизнь точно так же, как для меня, имеет величайшую важность, а не составляет легкомысленной игры, и которые блуждают и странствуют по тем же путям, как и я». Такой отзыв должен иметь тем более существенное значение при оценке произведений Фесслера, что высказан из в последние годы жизни, когда он уже спокойным взглядом окидывал всю прежнюю свою

⁷¹ См. „Wursbach's“, Biographisches Lexikon. Th. IV., S. 207. Справ. „Horn Fr.“, Poesie und Beredsamkeit der Teutschen“, Bd. III, 8.434.

⁷² „Geschichte der deutschen Dichtung“ (Leipzig, 1853, IV Aufl.), Th. V, S. 325.

⁷³ См. „Eichhorn Joh. Gf.“, Geschichte der Literatur von ihrem Ursprunge bis auf die neuesten Zeiten (Göttingen, 1805 ff), Bd. V, Abth. 2, S. 1104.

деятельность и мог говорить о ней со всей искренностью окончательно установившегося в нем мнения ⁷⁴).

Нил Попов.

Москва. [643]

Вестник Европы, Журнал истории, политики, литературы. — СПб, 1879, 14-й год, т. 6, кн. 12 (декабрь), с. 586-643.

Курсивом в квадратных скобках [] указаны номера страниц первоисточника.

⁷⁴ Еще при жизни Фесслера, начиная с 1801 года, издано было несколько литографированных портретов его. Прежде всего они были прилагаемы из его сочинений: в 1801 году при „Kleine Romanbibliothek“, выходящей в Берлине и перепечатавшей у себя несколько исторических романов Фесслера, в 1805 г. при первой части собрания его сочинений о масонстве, и в 1826 году при книге „Resultaten seines Denkens und Erfahrens“. Отдельно издано пять портретов и медальонов, большей частью Россмеслером младшим из Дрездена; лучший из них тот, который был литографирован с портрета, писанного масляными красками художником Васильевым. Что касается полного собрания сочинений Фесслера, вышедшего в Вене еще в 1809—1816 годах в 22 частях, без всякого ведома со стороны автора, то надо заметить, что оно не только не включает, в себе позднейших его сочинений, но и прежние передает в не полном и искаженном виде.